

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

11 (773) ноябрь, 2021

www.uralstalker.com

Косой в кадре

ЖИЛИ-БЫЛИ БАРАБАНЩИКИ

ЦВЕТ СНЕГА

МОРСКОЙ ДЕСАНТ КОЛЧАКА

Ноябрь 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Заяц. Фото Василий Колбин.

4 стр.: Сон-час. Фото Надежда Глен.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин,
Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко,
Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №11 (773), 2021 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Проект «С чего начинается Родина»
выходит при финансовой поддержке
Фонда Президентских грантов

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №11, 2021 г.
Подписан к печати 24.10.2021 г. Дата выхода 30.10.2021 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Отпечатано ООО
«Периодика», 623751, Свердловская область, г. Реж,
ул. О.Кошерева, д.16. Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Тираж 11000. Заказ №

Встречный ветер

Камни Урала

М.ПОПОВ

Открой для себя Ямал 30

Добрые попутчики

**Упаковка должна
быть красивой,
функциональной,
экологичной! 35**

Юбилей

Л.КРАПИВИНА

Белая стая..... 40

Заповедные земли

С.ЗИМИН

Заячья жизнь 18

Экспедиции

И.ГЕРУЛАЙТЕ

**Сияние
кварцев..... 36**

**Быть молодым —
здорово!**

Н.ГЛЕН

Гора Липовая 46

Река времени

Портреты

Н.МЕДВЕДЕВА

**Судьба
предпринимателя . 3**

Версия

Л.КОЩЕЕВ

**Речные
баталии 6**

Традиции

А.МОЛЧАНОВ

**Образы наивного
искусства 10**

Юбилей

В.МАСЛЯНКА

**Пермский
период..... 14**

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ

По тундре, по железной дороге..... 24

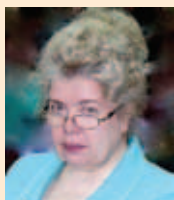

Судьба предпринимателя

Андрей Пузанов

▲ Здание конторы Режевского завода. Современный вид

Нина Медведева

Действительный член Уральского историко-родословного общества, краевед. Член Союза журналистов РФ. Автор статей и очерков в «Уральском следопыте», газетах, родоведческих сборниках. Лауреат областных конкурсов журналистских работ. Живет в г. Реже Свердловской области.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

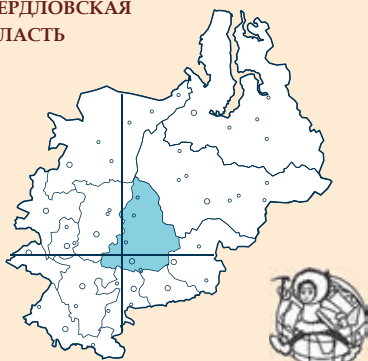

Фото из архива автора

Одним из успешных предпринимателей на Среднем Урале в начале XX века был Андрей Андреевич Пузанов. Он оставил значимый след в истории города Режа. Будучи сыном мастерового, из семьи крепостных крестьян Пузановых — мастеровых Невьянского и Быньговского заводов, он добился всего своим умом и трудолюбием.

Его родители были старообрядцами, с корнями из Поволжья, со временем перешедшими в единоверие и православие. На Урале род Пузановых оказался по воле Демидовых в 18-м столетии. Андрей Пузанов родился в Режевском заводе в августе 1875 года в семье Андрея Ефимова и Мавры Николаевой Пузановых, он был крещен в Успенской церкви. Его судьба была типичной для сына мастерового того времени: с тринадцати лет уже сам зарабатывал себе на кусок хлеба. Начиная он слесарем при разных работах в течение восьми лет в механической фабрике, а затем стал специалистом по котельному делу. Старшим котельщиком трудился еще пятнадцать лет. Эта работа требовала определенных технических знаний. Управляющий Режевским заводом Павел Викторович Ба-

утин в 1911 году выдал ему удостоверение с прекрасной характеристикой при увольнении по сокращению штатов.

Как деятельный человек прогрессивных взглядов, в 1900-х годах Андрей Андреевич был действительным членом Режевской комиссии Общества попечения о начальном образовании. Эта комиссия много сделала для открытия в поселке двухклассного министерского училища. В 1907 году был избран гласным земского собрания от рабочих Режевского завода. «Здесь уполномоченным стал один из наиболее развитых и интеллигентных рабочих завода А.А. Пузанов», — писала газета «Уральский край» в январе 1907 года. Пузанов известен тем, что предложил на сходе закрыть все пивные лавки в поселке. Будучи депутатом, председателем зе-

мельной комиссии, он энергично отстаивал интересы рабочих и ездил с этой целью в Пермь на прием к губернатору. Был избран волостным сходом рабочих для поездки в Санкт-Петербург к владельцам завода, когда предприятие стало лихорадить, пошли задержки в выдаче заработной платы.

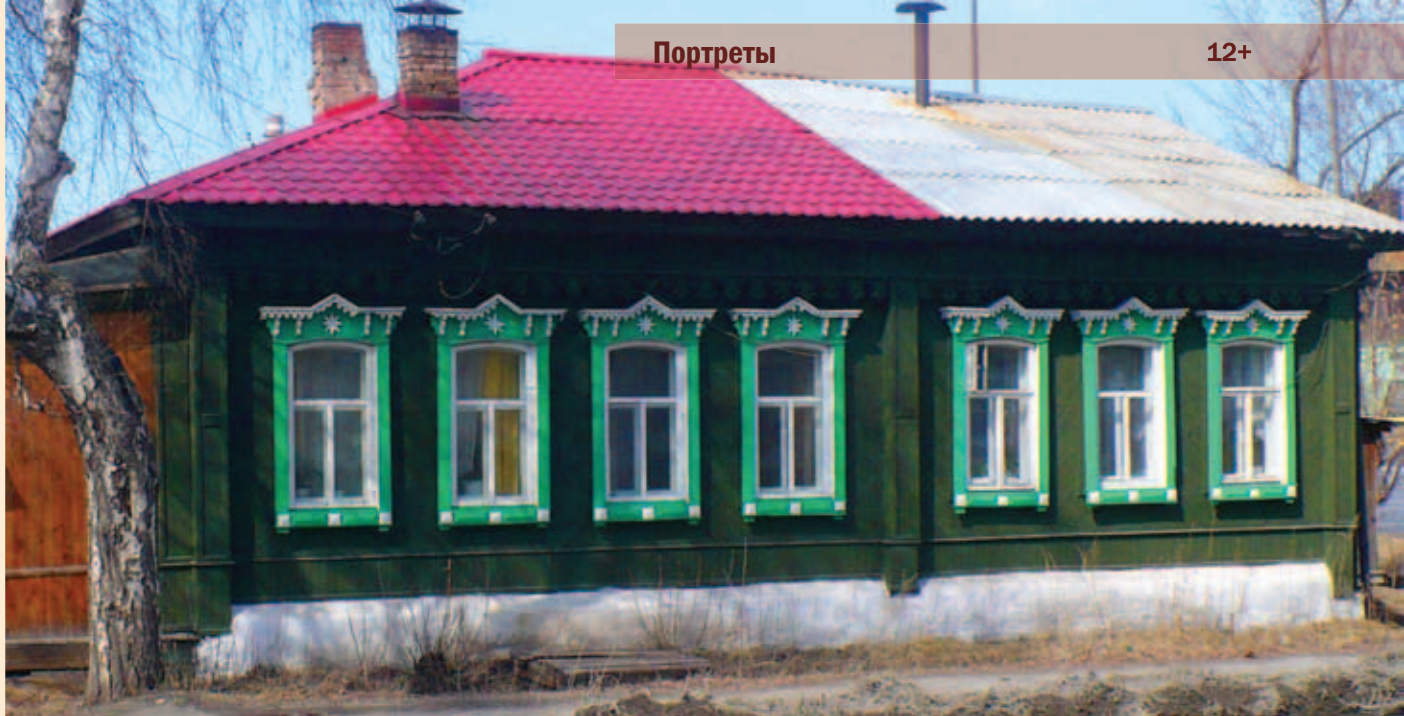
Но завод был закрыт, работы не было. Семью нужно было содержать. К тому времени у Андрея Андреевича было двое детей от первого брака — Михаил и Анфиса (его первая жена Афанасия Петровна Лунегова умерла очень рано). Анфиса училась в Алапаевской женской гимназии. И еще была жена Евлампия Андреевна и шестилетний сын от второго брака Павел. Андрей Андреевич становится кустарем. Открывает возле своего дома на берегу пруда лудильную мастерскую. Он обеспечивает, таким образом, средствами к существованию не только себя и свою семью, но и наемного работника. Так поступали тогда многие потерявшие работу предприимчивые мастера. Частные кузницы и мастерские в начале XX века в Режевском заводе были делом обычным. За свою работу Андрей Андре-

евич платил годовой налог в Екатеринбургское уездное земство в размере 209 рублей (немалая сумма по тем временам). Владел он и землей в окрестностях Режевского завода.

Политическая ситуация в России того времени была крайне нестабильной. После революции 1917 года началась Гражданская война. Режевской завод переходил из рук в руки. Когда поселок захватили белые, для Андрея Андреевича еще нашлась работа. Он взял у белогвардейцев подряд на изготовление седел для лошадей. Это принесло немалый доход. Старший сын Михаил работал при отце коновозчиком.

Деревянный пятистенный дом Андрея Андреевича Пузанова сохранился на ул. Набережной (Костюсова), 6 до наших дней. Но потомкам семьи он не принадлежит, национализирован. Там располагалась в годы советской власти некоторое время милиция (отделение НКВД). Для этого справа возводили деревянный пристрой. Он не выдержал испытания временем и давно разобран. На его месте теперь заросли тополя. А добротный пузановский дом, которому более века, сохранился и поныне.

▲ Дом А.А. Пузанова в наши дни

▶ Евлампия Андреевна и Андрей Андреевич Пузановы. Екатеринбург, 1914 г.

◀ Вид на Режевской завод в начале XX столетия

◀ Андрей Андреевич Пузанов (слева) с Максимилианом Андреевичем Соколовым. Екатеринбург, начало 1920-х годов

С приходом Красной Армии и установлением советской власти в Режевском заводе Андрей Андреевич отступает в июне 1919 года с белыми в Сибирь. С колчаковскими частями он дошел до Томска, но в апреле 1920 года вернулся в Режевской завод. Оставаться здесь было безрассудством. Работы не было, дом конфискован, могли и арестовать за политическое прошлое. Отступление с белыми и эксплуатация чужого наемного труда — события в биографии для человека того времени очень нежелательные. В документах Екатеринбургского отдела управления губернией Андрей Андреевич был зафиксирован в списках буржуазии. Такие факты могли стоить не только свободы, но и жизни.

Андрей Андреевич перебрался с семьей в Екатеринбург. Там была возможность начать новую жизнь. Поселился на улице Московской. До конца своих дней оставался кустарем. Благо, начавшаяся тог-

да в стране эпоха НЭПа этому всячески способствовала. Дружил с семьей Максимилиана Андреевича Соколова, брата своей жены. Его семья тоже вынуждена была покинуть Режевской завод в поисках работы. В апреле 1925 года в возрасте сорока девяти лет Андрей Андреевич Пузанов ушел из жизни. Причиной стало заболевание сердца. Хоронили его по старообрядческим канонам на Ивановском кладбище.

Его старший сын Михаил Андреевич Пузанов 1896 года рождения с женой Таисией Васильевной жили в Реже. Таисия Васильевна пережила мужа на 44 года. Их дети Нина Михайловна и Борис Михайлович Пузановы также проживали в Реже. Дочь

Андрея Андреевича Анфиса Андреевна Бревнова жили с семьей у Верх-Исетского завода. Младший сын Павел стал музыкантом, дирижером, Заслуженным артистом РСФСР. Он прошел фронт и жил в Свердловске. Внучка Виктория Павловна Соколова много лет работала преподавателем по курсу фортепиано в Екатеринбургском музыкальном училище им. П.И. Чайковского. Потомки Андрея Андреевича по линиям трех его детей живут теперь в России и за рубежом и, к сожалению, не знают друг друга. Увы, время ослабляет родственные связи. Но самое главное, что потомки хранят память о своем деде и прадеде — настоящем предпринимателе. **УГ**

Речные баталии

Тайные агенты гражданской войны

▲ Место баталии, 1919 год

Лев Кошечев

Работал в газетах «На смену!», «Главный проспект», «Наша газета». Автор сценариев документальных фильмов об истории России. Долгое время возглавлял газеты «Уральский рабочий» и «Вечерний Екатеринбург». Родился в Свердловске, закончил радиотехнический факультет УрГТУ-УПИ.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фотографии предоставлены автором

Восток Свердловской области считается местами сонными и глухими. Тем удивительнее история, разыгравшаяся здесь чуть больше века назад.

Катастрофа случилась 11 июля 1919 года: красные войска на Среднем Урале прорвали рубеж обороны колчаковцев по линии реки Чусовой и Западно-Уральской ж.д. Начался хаос. Поражение окончательно деморализовало войска. Беспрестанные перемещения частей и подразделений создавали благодатные условия для дезертирства. Полки, батальоны, роты таяли, словно рафинад в чае. Уже 15 июля красные вступили в Екатеринбург, 8 августа — в Тюмень: продвижение в день по 15–20 км. Пешком — ведь ни грузовиков, ни тем более бронетранспортеров у них не было. Нормальный такой темп туристической группы. Получается, Красная Армия шагала, вообще не встречая никакого сопротивления. В этой ситуации командующий Восточным фронтом колчаковской армии генерал Дитерихс высказал абсолютно

безумную идею, как можно спасти положение. Он предложил захватить... Екатеринбург.

Судьба России решается здесь

Все силы красных в наступлении, в «столице Урала» остались малочисленные и малобоевые подразделения. Город можно взять с ходу силами батальона. Вот только откуда ему там взяться? Глубокие фланговые обходы на войне используются уже несколько тысячелетий. Сплошного фронта на Среднем Урале у красных не было — они вообще наступали «точечно», по железным и обычным дорогам из Екатеринбурга в города Сибири. Но обойти их с севера не позволяло суровое уральское бездорожье.

Но Дитерихс предложил... морской десант. Ну, точнее, водный. Речной. Когда в ответ раздались недоуменные возгласы, он молча указал точку на карте — поселок Тавда. Сюда подходила железнодорожная линия до Екатеринбурга. По ней десант вполне мог совершить рывок. Понятно, что это «атака обреченных». Даже если город удастся взять, удерживать долго его не получится. Но даже этого короткого времени может хватить. Красным придется снимать части с фронта. Удар по их штабам нарушит управление наступлением. Шокирующие слухи из тыла деморализуют их войска. Воспользовавшись всем этим, белые наконец смо-

▼ Личный состав комендатуры города Екатеринбурга, август 1919 года. Из собрания Музея истории Екатеринбурга

► Командующий Восточным фронтом армии Колчака Михаил Константинович Дитерихс

▲ Штаб Сибирской армии во главе с А. В. Колчаком (сидит второй слева). Из собрания Музея истории Екатеринбурга

гут стабилизировать оборону. Если бы всё получилось, мировая история могла бы пойти по совсем иному пути. Стала бы Россия буржуазной. Или раскололась бы на несколько государств... Судьба державы решалась в Тавде. Безо всяких преувеличений.

Хотя, конечно, чтобы внезапно атаковать Екатеринбург, десанту бы потребовалось просто-таки феерическое везение. Дорогу длиной 359 км от Тавды нужно было преодолеть столь стремительно, чтобы красные не успели нигде выставить серьезный заслон или взорвать мост. Любая заминка неминуемо влекла поражение. Фантастика? Ну, вариантов лучше у нас всё равно нет, пожимал плечами Дитерихс.

Второе дно

Впрочем, есть основания полагать, что никаким авантюристом он не был. Весь изложенный выше план был лишь прикрытием для истинной цели рейда в Тавду. Вся армия знала, что при спешном отступлении из Тавды там не успели перегрузить из вагонов на пароходы и баржи огромное количество припасов и амуниции. Но лишь немногие знали, что среди этих припасов «затесались»... ящики с золотом, захваченные колчаковцами в Екатеринбургском государственном банке. Вполне вероятно, кстати, что под этим названием фи-

гурировали вообще все ценности, которые вывозились ими через Екатеринбург. В пользу того, что Дитерихс затеивал тавдинский рейд именно ради золота, говорит один примечательный факт. Он отправил туда тех же егерей подполковника Бордзиловского, которые золота в Тавде «забыли». То есть он не стал расширять круг людей, посвященных в эту тайну. К чему такие предосторожности и «маскировочные» планы? В обстановке паники, деградации и распада Михаил Константинович Дитерихс вполне мог не доверять даже ближайшим сподвижникам: любой, у кого есть в подчинении хотя бы сотня штыков, мог соблазниться идеей сделать екатеринбургское золото своим.

Более того, не исключено, что генерал пытался скрыть спасение золота даже от... собственного начальства. Нет, он наверняка не мечтал сбежать с сокровищами в Ниццу и жить припеваючи. А вот создание собственной армии планировать мог. Слишком уж

▲ Подполковник Антон Викентьевич Бордзиловский

www.uralstalker.com

◀ В распоряжении Колчака были даже гидросамолеты

▼ Пароход Тюмень. Фото Прокудина-Горского, 1912 год

отличались его политические взгляды от убеждений начальства, да и основной массы колчаковских офицеров.

В советские годы был создан образ белогвардейцев как ярых фанатов царя-батюшки, но это далеко от истины. Не будем забывать — именно армия в конечном счете добилась отречения Николая, презиравя его за мягкотелость и потакание истеричной супруге. Это настрой сохранялся и спустя два года, несмотря на весь конфуз демократии в России.

А вот Дитерихс, напротив, был ярым монархистом! И, кстати, давайте еще раз присмотримся к тому, кого он отправил золото спасать. Антон Бордзиловский (уроженец Камышлова, кстати) до революции долго служил в охране императорских дворцов. И, весьма вероятно, принимал живейшее участие в попытках спасти Николая Романова с семьей после революции.

Вас никогда не удивляло, что тех отправили в Тобольск? Да кому вообще в Петрограде могло прийти в голову название этого глухого городка? И чем он показался удобен?! А теперь внимание: Тобольск — это город, где вырос Бордзиловский, где продолжали жить его родственники. Для того, чтобы захватить и вывезти золото из Тавды, никакого особого везения не требовалось. Как раз наоборот, операция могла потерпеть крах, только если боги начали бы ей капитально противодействовать. А с чего бы им это делать? Увы, Дитерихс даже подумать не мог, что...

Перебдели

Вверх по Тоболу и Тавде направились пароходы «Иртыш», «Александр Невский», «Тюмень» и катер «Ласточка» под общим командованием капитана II-го ранга Александра Рудольфовича Гутана. На понимание: «Иртыш», к примеру, имел в длину 63 м; двигатель такой же мощности, как у современного «внедорожника»; вооружен был одной 75-мм пушкой и четырьмя пулеметами. Высадка в Тавде 17 августа прошла беспрепятственно. Выдвигаться в Екатеринбург никто даже не пытался — хотя в любом случае не получилось бы, пути были испорчены уже у са-

мого поселка. За день-два егеря нашли то, что должны были найти, и 18-го числа уже отправились восвояси.

Для сохранения перевозки особого груза в тайне были предприняты сверхестественные меры. На пристани Тавды ящики забрала «Ласточка», затем перегрузив их в укромном месте на «Иртыш». Вместо того, чтобы охранять тот, «Александр Невский» и «Тюмень» без него стремительно ушли вниз по реке. Мол, смотрите все, на «Иртыше» ничего особенного нет, чего его охранять! И это была чудовищная ошибка. Хотя ну кто бы мог предполагать...

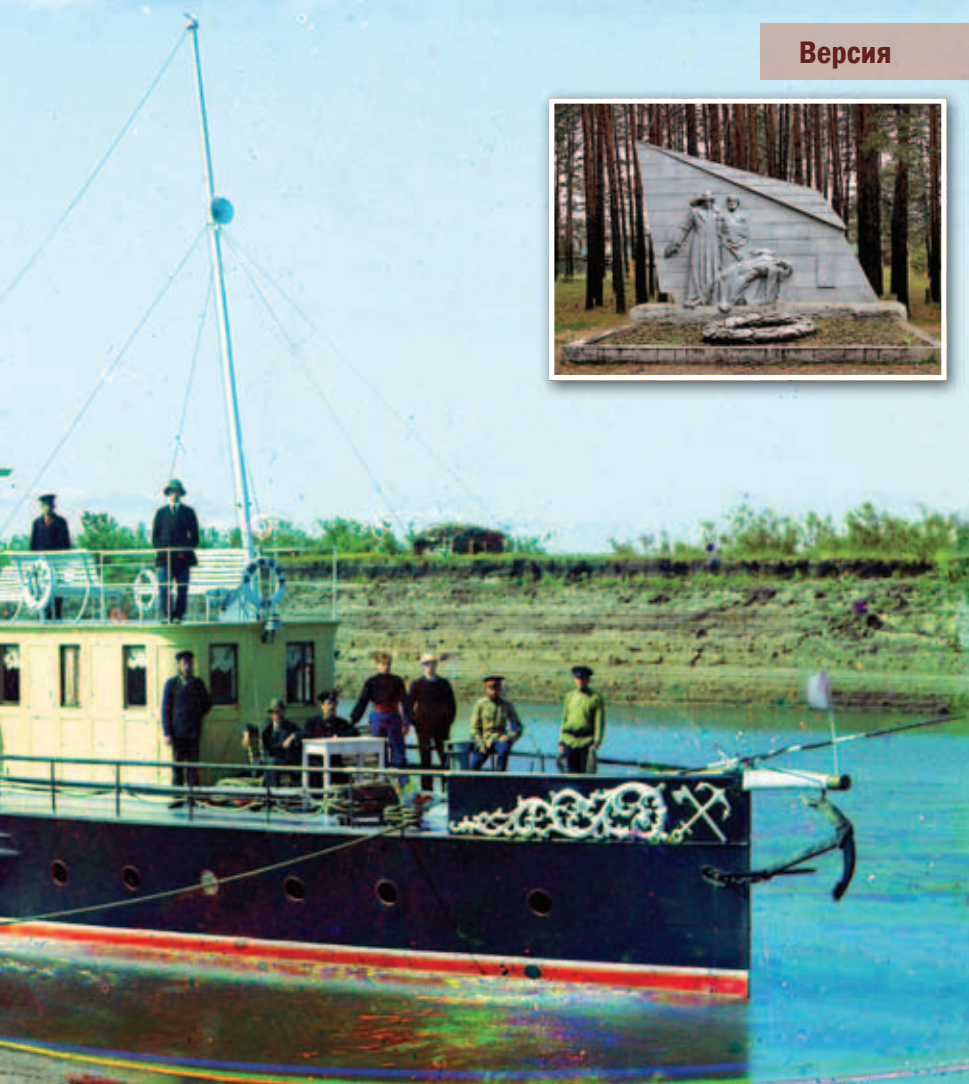
Помесь «Потемкина» и «Чёрной жемчужины»

25 августа возле деревни Плеханово в паре десятков километров выше по Тавде от места её впадения в Тобол все три парохода встретились. Но... «Иртыш» к этому времени был уже в руках красных. Вспыхнул бой, в котором он одержал победу над вдвое превосходящим противником. Каждая из противоборствующих сторон потом описывала этот бой очень по-разному. Советские источники живописали, как «Иртыш» стрелял героически и метко, а противник трусливо отстреливался.

По белогвардейской версии, в момент рандеву на «Иртыше» был поднят андреевский флаг. Поэтому «Александр» приблизился к нему, абсолютно ничего не подозревая, — и он расстрелял «Александра» в упор. Типичный прием пиратов из приключенческих романов. Небольшим утешением белогвардейцам могло служить то, что, по сообщениям красноармейских газет, командовавший «Иртышом» товарищ Водопьянов в этом бою погиб. Пароход потом переименовали в его честь, а позднее многие годы это название носил бывший «Александр Невский». Названа в честь Водопьянова была и улица в Тюмени.

Несложная проверка контрразведки показала, что фамилию Водопьянов носил унтер-офицер пулеметной команды парохода. Детали случившегося на «Иртыше» прояснились лишь спустя 13 лет: свою книгу об этом опубликовал один из членов команды парохода. Как он поведал, Александр Михайлович Водопьянов был втайне большевиком, балтийским матросом. Ему удалось склонить на свою сторону нескольких человек из команды «Иртыша», включая механика (!), помощника капитана парохода (!) и са-

◀ Памятник погибшим
в гражданской войне. Тавда

мого капитана (!!!). В ночь на 23 августа они разоружили часовых, заперли помещения, в которых спала остальная команда и офицеры, а затем угнали пароход к красным. Капитан парохода перешел к большевикам? Элитные егеря Бордзиловского, настоящие орлы — дали себя разоружить, запереть?! Каким ветром вообще занесло в команду «Иртыша» балтийского матроса?

Человек с пятью лицами

Тюменский краевед Александр Петрушин предлагает версию, которая всё объясняет — хотя выглядит она как сценарий приключенческого боевика. Никакого восстания на «Иртыше» не было. Среди сослуживцев Водопьянову удалось завербовать лишь механика. Поначалу они планировали либо испортить машину парохода, либо взорвать его боезапас. Но постепенно у Водопьянова наладилось взаимопонимание с девушкой, за которой он начал здесь ухаживать. Это была прелестная Нина — дочка лоцмана Григория Савиных. Тот взял её в боевое плавание, потому что остаться одной на берегу ей было бы еще опасней. Времена-то смутные.

Его знала вся Обь. Человек был невероятно набожный, из-за чего на реке за ним приклеилась ехидная кличка «Лампада». Нина и Александр уговорили Григория помочь. Ему и без того были отвратительны погрязшие в упадническом цинизме «господа офицеры». И тут как раз очень кстати в Тавде пароход принял на борт какой-то особенный груз.

После этого заговорщики начали действовать. Механик бежал с корабля на лодке, притворившись утонувшим. Он передал красным, что «Иртыш» вскоре встанет возле села Тавдинское так, что на него легко будет попасть с берега. Что лоцман и сделал. Отряд красных без помех ворвался на борт. Но самое поразительное заключается в том, что Водопьянов на самом деле... не погиб в бою. И вообще это был не Водопьянов! Под этой личиной скрывался 19-летний Константин Вронский, сотрудник особого отдела 3-й армии красных. Скорее всего, для перевозки сокровищ «Иртыш» был выбран командованием белых сугубо случайно из нескольких. И надо же случиться, что именно на нём был агент-чекист...

Когда товарищи оплакивали его гибель, Вронский убыл в Москву, сопровождая уральское золото. Зачем для его вывода из игры была придумана столь драматичная легенда — решительно непонятно. Уже в ноябре он вернулся в колчаковский тыл в качестве прапорщика Константина Карасёва с заданием... внедриться в колчаковскую контрразведку. Приказ этот он выполнить не сумел — по причинам, от него не зависящим. Слишком скоро внедряться оказалось некуда, потому что контрразведка прекратила своё существование, как и всё остальное колчаковское.

Время мирит всех

В 1924 году ликующая толпа провожала на причале суда очередной Карской экспедиции. Если бы в ней оказались люди, знавшие Водопьянова, они бы воскликнули потрясенно: вот же он! В капитанском кителе, на мостике парохода «Катунь»!

— Да нет же, это Костя! — могли бы им возразить те, кто успел свети знакомство с прапорщиком Карасёвым.

Вронский, как всегда, был на острие событий. Экспедиции предстояло доказать практическую возможность эксплуатации Севморпути: спустившись по Оби, суда должны были преодолеть воды Арктики, обогнуть Скандинавию и, ошвартовавшись в Англии, разгрузить там товары из Сибири и Монголии. А затем с грузами из Европы вернуться тем же путем. Дома Вронского ждала с их маленьким ребенком жена Нина. В девичестве Савиных. Экспедиция закончилась триумфом. Однако, возвращаясь по ноябрьской Оби, Вронский тяжело простудился. В омской больнице он скончался.

Нина с ребенком вынуждена была отправиться к матери в Тобольск. Мостов тогда не было, ехали через Тобол по едва ставшему льду. Польнья поглотила их. А по берегам Тавды до сих пор можно наткнуться на братские могилы Гражданской. Здесь лежат белые, погибшие на переправе при отступлении, красные, погибшие на переправе при наступлении, а также захваченные в плен и позднее расстрелянные моряки с «Невского» и «Тюмени». Лежат вперемешку — так уж их похоронили местные крестьяне, не очень-то понимавшие, кто против кого и за что воюет. **VG**

► Фрагмент выставки для детей «Неземная красота». Пермская государственная художественная галерея

Образы наивного искусства

Алексей Молчанов

Выпускник факультета журналистики УрГУ. Работал в пресс-службе ГУ МВД по Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих творческих конкурсов СМИ.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фотографии предоставлены Пермской государственной художественной галереей

Одним из значимых символов Пермского края является деревянная скульптура. Эта коллекция Пермской художественной галереи является крупнейшей в России. А начиналось все так...

Около века назад, в середине 1920-х годов, основоположник, собиратель этой коллекции, в то время директор галереи Николай Серебренников организовал шесть экспедиций по всей территории Пермского края. В основном скульптура бытовала на Севере. Большая ее часть — около 400 предметов — была собрана именно тогда за четыре года в шести странствиях. Серебренников со товарищи колесил по городам и весям, осматривал церкви. Ситуация была разная: где-то они уже были закрыты, где-то — действовали. Иной раз местные богомольцы не отдавали скульптуру, и она оставалась у них. Такие случаи тоже фиксировались.

Почему в Перми?

Почему же в Перми была собрана самая значительная иконотека? Видимо, Серебренников интуитивно почувствовал момент, что важно собрать именно здесь и сейчас. Если мы вспомним историю, то 1928 году идет первая волна богоборчества. Когда храмы на-

чинают массово разрушаться и закрываться и, соответственно, имущество разоряться. Разные судьбы у этой духовной утвари. А первая половина двадцатых и их середина — период, когда еще можно было эти вещи собрать. В Перми это получилось.

Деревянные ваяния

Важно понимать и рассматривать пермскую деревянную скульптуру в контексте общерусской истории культуры. Храмовые православные деревянные ваяния бытовали много лет на территории Руси. Это и севера: Архангельск, Сольвычегодск, Вологда, Великий Устюг. Это и западные территории, например, Новгород и Псков, в том числе и центральная часть, и Урал. Так исторически сложилось, что далеко не везде скульптура сохранилась и не всегда ее можно увидеть в музеях. Поэтому, приезжая в Пермь, многие гости впервые сталкиваются с этим и им кажется, что здесь какой-то уникаль-

◀ Царские врата, XVIII век, дерево, резьба, левкас, темпера, позолота. Происходит из Кафедрального Спасо-Преображенского собора г. Перми

из сосны и липы. Они были очень любимы резчиками. Те, кто работает в такой барочной традиции и сегодня, где много мелкого, сложного орнамента, предпочитают именно их, потому что они мягкие и пластичные. Вот ель, береза — более твердая древесина, но, тем не менее, тоже использовалась. Те виды пород, что растут на территории Пермского края, шли в работу. Потому что в других регионах встречаются и дуб, и редкий для России кипарис.

Технология создания

Технология создания во многом повторяет иконную: деревянная основа заливкашивается, покрывается меловым грунтом и затем уже наносится цвет. Большая часть скульптуры — это темперная краска, которая используется в иконописи. Редкие исключения — масло, скажем, «Ангельский чин» Никона Кирьянова. Традиция создания моленных об-

разов церковного убранства не возродилась после революции и перипетий двадцатого века. Однако известен случай, когда скульптору Николаю Вагагину московская церковь Андрея Рублева заказала изваяние «Христа в темнице». Сегодня скорее светские художники осмысливают тему религиозных статуи в своих произведениях по мотивам этой коллекции. Это и пермяки, которые много работали над скульптурой — Михаил Павлокевич с Ольгой Субботиной, Александр Зырянов с его графической серией.

Царские врата

Вот экспонат «Царские врата». С одной стороны, сложная резьба в духе древнерусской традиции. С другой, это не совсем скульптура, а убранство иконостаса центральной створки, выпол-

▼ Спасо-Преображенский собор

нейший заповедник на территории края.

В основном это безвестное искусство. Известны лишь имена трех резчиков, работы которых можно увидеть здесь. Самый ранний — Дмитрий Домнин, автор Саваофа, центральной композиции. Датировка весьма приблизительная, о годах почти речь никогда не идет. Это конец 18 века. Второй мастер — Назарий Филимонов, крестьянин. И его ученик Никон Кирьянов. У Кирьянова в экспозиции большой страстной «Ангельский чин». Его работы сегодня можно назвать наивным искусством. Самая поздняя пластика датируется уже рубежом 19–20-х веков. Никон умер в 1906 году. Это могли быть мастерские резчиков при монастырях. Вообще в обителях массово создавалось церковное искусство: и икона, и золотное шитье, и деревянная церковная скульптура. Это могли быть отдельные артели ремесленников, «самозанятые». Они ездили по стране и выполняли работы по заказу того или иного храма. И могли быть мастера сами по себе, из крестьянской среды, научился, перенял от кого-то. И создавал для своей местной деревенской часовни скульптуры.

В 1980 году был проведен анатомический анализ древесины, большинство памятников исследовали. И было выявлено, что большая часть создана

▲ Господь Саваоф. Резчик Дмитрий Домнин, XVIII век, дерево, резьба, левкас, темпера. Происходит из церкви Св. Троицы г. Лысьва, Пермский край

ненная по всем канонам. Кроме резьбы, есть еще и живописные вставки с каноническим изображением на двух створках Благовещения и четырех евангелистов. Это один из ранних памятников, который датируется концом 17 века. Обращает на себя внимание большемерная статуя Святого Николая. Один из самых почитаемых, любимых святых на Руси. И в иконе его тоже очень много, и часто в пластике встречается. Это происходит на северных территориях. «Никола Можайский» из села Покча Чердынского района как раз образец ранней скульптуры. Чем отличается? Она, во-первых, не является круглой. Высокий рельеф рассчитан на обзор, она еще тяготеет к иконе, еще не совсем от ее образного языка отказалась. Очень малое количество плоскостей сделано. Работа цельная, без детальной проработки.

Все нюансы добавляются росписью краской, как в иконописи: складки, волосы, морщины на лице. И такие большие изваяния помещались в икоты: своеобразные шкафчики, полочки со створками. Статуя в храме раскрывалась только в момент богослужения. В музее же она воспринимается по-другому, так как открыта всегда. В иконографии получаются два типа изображения. Одно — это привычный нам образ Николая Чудотворца. И Николай Можайский, когда Святой показывается с градом и мечом. И все это отсылает к легенде города Можайска. Вра-

► Композиция «Христос в темнице», XVIII век. Происходит из церкви Св. Троицы пос. Пашия, Пермский край

ги, увидев этот образ, отступили от города. И опять-таки, по преданию, первую подобную деревянную скульптуру Николая, держащего эти атрибуты, вырезали и повесили над воротами города. Сейчас она — одна из ранних работ, кстати, происходящих из Можайска, находится в собрании Третьяковской галереи. Датируется аж 14 веком. По сравнению с другими регионами пермская скульптура более поздняя. Самые ранние памятники — это 17 век. Для того, чтобы определить их возраст, существует много методов: от радиоуглеродного датирования до исследования на атомном уровне.

Общие сюжеты

Сюжет «Христос в темнице» не характерен для православного искусства. В иконописи встречается нечасто, скорее, в поздних образах. На Русь распространился, в основном в скульптуре. Иконография сидящего Христа-спасителя пришла, скорее всего, из Европы. Предание отсылает к Евангельскому тексту. Последние часы земной жизни Христа, когда его римские воины привели в преторию, где раздели. Надели на него багряницу, символ царской власти — терновый венец — и вся-

чески над ним издевались. Был момент максимальной уязвимости Богочеловека, время моральных, физических страданий. В России, не только в Перми, начиная с восемнадцатого века, скульптура получает большое распространение. Два года назад выставочный зал «Манеж» в Петербурге сделал целую выставку, которая называлась «Христос в темнице». Этот сюжет представляли 33 скульптуры из 17 музеев.

Местные традиции

Чем отличаются пермские памятники? Смешением евангельского сюжета с местными традициями. Пермские резчики, конечно, переосмысливали эту легенду и вносили какие-то новые дополнения. Это выражалось, во-первых, во внешности. Скульптуры все очень разные и портретные. Эти образы Бога создавались с конкретных людей. Когда смотришь на них, замечаешь, что они, в отличие от иконных изображений, живо-

подобны. Второй момент — это одежда. В коллекции есть три скульптуры «Христа в темнице», где он изображен в специфической синей хитоне, подпоясанной широким поясом. В евангельских текстах нет указания на такое платье, и сейчас одна из версий, что этот хитон достаточно сильно напоминает повседневную одежду коми-пермяцких крестьян. Так называемый шабур — верхняя легкая одежда с запахом, с круглым воротником, которая подпоясывалась очень похожим широким поясом с характерным спереди узлом и ткалась как раз из теневого льна. Конечно, невозможно на сто процентов утверждать, что это Христос в шабуре, но очень похоже. В этом образе верующие и прихожане церковью узнавали и запоминали себя. Такой Христос — в образе крестьянина, был ближе человеку 17–19 веков. Нужно понимать, что подобные скульптуры Христа в синем размещались в коми-пермяцких

▲ Из композиции «Распятие с предстоящими», XVIII век. Происходит из церкви Рождества Богоматери с. Усть-Боровское, Пермский край

◀ Св. Николай Можайский, XVIII век. Происходит из Димитриевской церкви с. Дубровское

территориях и селах, где преобладало сельское население.

Жемчужина коллекции

Одна из «Темниц» является единственной известной среди подобных собраний. Скульптура сохранилась в аутентичном виде до наших времен. Она создана в 18-м веке и имеет очень тонкую резьбу. В изготовлении задействовано не только дерево, но и цветные стекла во вставках. Все это сохранилось практически в целостности и сохранности. Подобные изваяния в храмах помещались не просто так на открытом месте. Их пристраивали либо в стеновые ниши в северной, более темной, части церкви, либо для них создавались темницы, по сути своей те же киоты: три стенки и створки. При этом они делались очень простыми. Если убрать все колонки и навершия, то останется элементарная кладка. Храм в поселке Пашия, откуда эта композиция поступила, по каким-то причинам заказал резчиком совершенно невиданную темницу по своей сложности, по убранству, по богатству орнамента в барочном стиле. Видимо, с одной стороны, у прихода были деньги, средства или еще какие-то причины, почему она была создана среди аналогий подоб-

ных. Если говорить еще про внешний вид, в навершии изображены ангелы страстей. То есть это те предметы, которыми пытали Христа. Это называется страстной ангельский чин. Колонки с виноградной лозой. Гроздья винограда — это сила Христа. Ну, и сама его скульптура именно в темнице — один из самых выразительных, драматичных памятников, где очень много эмоций соединяется. Резчик умел передать состояние. Все перемешано: сомнения, готовность на жертву, на страх, на боль. Это видно в самом положении фигуры и на лице. Очень трогательно и наивно у Христа на щечке изображены слезки белой краской. При всей наивности здесь сохраняется совершенная глубина образа. Во всех смыслах это жемчужина коллекции.

Судьба коллекции

На сегодняшний день Галерея размещена в здании Кафедрального Спасо-Преображенского собора (архитектор Иван Связев), являющегося памятником архитектуры XIX века. Высота его шпиля более семидесяти метров, включая крест наверху. Это здание на основании постановления Россимущества будет возвращено в собственность Пермской епархии. Галерея же должна переехать в новое здание, где, мы надеемся, будет комфортно и безопасно как посетителям, так и хранителям древностей и самим уникальным экспонатам. 📄

Пермский период

Владимир Маслянка

Научный сотрудник Литературного музея В. П. Астафьева — структурного подразделения «Чусовской музей» Чусовского ГО. Выпускник Народного университета культуры (Москва, факультет фотолюбителя) и Свердловского госмедицинского института (санитарно-гигиенический факультет). Работал главным санитарным врачом Чусовского отделения Свердловской железной дороги. С 2003 года первый директор Литературного музея В. П. Астафьева Пермского края. Увлекается фотографией, краеведением, моржеванием. Является членом Союза писателей РФ, награжден Орденом Достоевского (3 ст.).

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фотографии из архива автора и Альмиры Кардапольцевой

Слова «Пермский период» уже 180 лет на слуху у всего образованного мира. В 1841 году шотландский ученый Родерик Импи Мурчисон обратил внимание на красноцветные глины и мергели на западном склоне Уральских гор. Эти породы отличались от тех, что ранее были известны, и Мурчисон понял, что обнаружил новый геологический период.

Ранее он же открыл Силурийский период (1835 год) и Девонский период (1839 год, совместно с Адамом Седжвиком). До открытия Пермского периода на геологической шкале не хватало одного звена — как если бы на циферблате часов не хватало одного интер-

вала. По месту обнаружения красноцветных горных пород — практически в центре сегодняшней Перми, по крутым склонам Егошихинского оврага — и был назван новый геологический период — Пермский. Позже красные глины выявили по всему миру, и их стали

▲ Сылва перед встречей с Чекардой

▲ Берег Сылвы

▲ Цепляясь за берег

в ходе интернациональной экспедиции по европейской части России и Уралу 1840–1841 годов. Экспедицией руководил шотландский геолог Родерик Импи Мурчисон, в ней участвовали французский палеонтолог Эдуард де Вернейль, немецкий геолог Александр Кейзерлинг, а также молодой российский геолог Александр Кокшаров.

Геология и её родная дочь стратиграфия тесно связаны с палеонтологией, что неудивительно — планета Земля давно обитаема и жизнь на ней в чём-то сравнима с кольцами на спиле ствола дерева. Жизнь на матушке Земле значительно моложе воды и суши, но её история всё же не идёт ни в какое сравнение по длине и по драматизму с самой увлекательной детективной историей и сроками жизни одного конкретного человека.

Показательна в этом отношении история открытия в Пермском крае около 100 лет назад (в 20-х годах XX столетия) второго главного свидетеля Пермского периода — могильника древнейших растений, насекомых, амфибий и рыб близ впадения речки Чекарды в крупнейший приток реки Чусовой — реку Сылву. Здесь отчётливо ощущаешь понятия «миг» и «вечность», здесь у обрушившегося берега реки Сылвы и лога-оврага на границе встречи Сылвы и Чекарды обнажились осыпавшиеся камни, на которых время, как древний рентгенолог, запечатлело-зафиксировало давно канувшую в Лету жизнь древней стрекозы и упавшего листа дерева. И каждодневными свидетелями этих драматических событий «миллионов лет до нашей эры» являются молодые сосны, отчаянно цепляющиеся корнями за кромку этого «исторического» обрыва. Места эти до сих пор удивляют и «плодоносят»: то местные умельцы на чекардинской горе выложат из керамической плитки сакральное слово «Чекарда», то приедут заморские «сэры» во фраках и цилиндрах, чтобы «поковыряться» в местной чекардинской грязи (как будто у них своей мало).

Почва в этих местах удивительно плодородна и плодоносяща — не от древних ли «биоудобрений», которым миллионы лет? На последнем

▼ Река Сылва

называть горные породы пермской системы — «Пермь она и в Африке — Пермь» (палеонтолог Пётр Чудинов). Понятие «Пермский геологический период» официально вводится в научный оборот с 21 октября 1841 года.

Пермский период начался около 300 миллионов лет назад, закончился 251 миллион лет назад. Продолжался он почти 50 миллионов лет. Получается, что именно в 2021 году исполняется 180 лет со дня открытия пермской геологической системы и пермского геологического периода (общепринятое сокращение — пермь, Permian), получивших название по месту первоописания

Команда неутомимого шотландского исследователя-первопроходца начинала работу в шесть утра, а то и в пять. Ходили геогнозировать по окрестным горам, потом приводили в порядок путевые записи и каменный материал. Лето кончалось, световой день стал коротким. «Что вы видите в темноте?» — спрашивал Кокшаров Мурчисона. «Ночью можно работать так же хорошо, как и днем. Есть три звука от удара по камню геологическим молотком. Пифф-пафф-пуфф. Пифф — гранит. Пафф — известняк или песчаник. Пуфф — слышно, как звук тонет в глине...»

▲ Место встречи Сылвы и Чекарды

▶ На берегу

▲ Родерик Импи Мурчисон

▲ Современные писаницы

▲ Чекардинские россыпи

километровом отрезке девятикилометровой речки Чекарды ещё до войны стояло пять водяных мельниц (от них остался лишь хмель на деревьях как вечный спутник старинного хлебопроизводства), речную рыбу на зиму в этих местах солили аж двухсоткилограммовыми бочками... увы, последняя война сделала своё подлое дело — по последней переписи, в самой Чекарде живёт сейчас меньше полусотни человек...

Тридцать лет назад в Перми состоялся международный конгресс, посвященный 150-летию открытия Пермского периода. Каждому участнику был подарен рюкзачок с геологическими путеводителями, каменными сувенирами и книжечка Семё-

▲ Чекардинские пороги

на Иегудовича Ваксмана «Условный знак — Пермь». Семён Ваксман воистину человек-оркестр, физик и лирик. Он истинный сын ставшей ныне легендарной эпохи «физиков-лириков» Бориса Слуцкого. За эту его многогранность друзья и коллеги в шутку сократили-объединили его имя-отчество — «Семигудыч»! Геолог-практик и геолог-учёный, кандидат геолого-минералогических наук, писатель и поэт, член Союза российских писателей. Выпускник «Губкинского» института нефти и газа в Москве, три года успешно отработал геологом на Дальнем Востоке, там же после окончания партии выбрал Пермь как

место постоянного жительства. На этот выбор повлиял пермский в ту пору писатель Виктор Астафьев и его рассказ в «Молодой гвардии» — «Останутся воспоминания» («Бери да помни»). После переезда в Пермь состоялось очное знакомство Ваксмана с Виктором Астафьевым и «заочное» с... Родериком Мурчисоном.

Геолог и поэт, «Семигудыч» легко оперирует понятием Время, сопоставляя воедино исторически события разных эпох, и причина этого — он как геолог,

слуга науки о Земле не может «не читать» Землю «наизусть» — и не может «копать только на штык лопаты»... Родерик Мурчисон одну из трех открытых им систем назвал пермской — именно он ввёл во все словари мира короткое слово «Пермь», и оно пошло гулять по странам и континентам. Оно вошло в условные знаки — «легенду» всех геологических карт. Пермь — единственный город в мире, в честь которого была названа целая геологическая система и единственная с неанглийским именем. **УС**

▼ Современный Леонардо — Семён Ваксман

▲ Окаменелый лист (находки на берегу Чекарды)

▲ Хранители

Заячья ЖИЗНЬ

Заяц-беляк уверенно занимает почетное второе место (после лосей) по количеству регистраций эксклюзивных кадров фотоловушек.

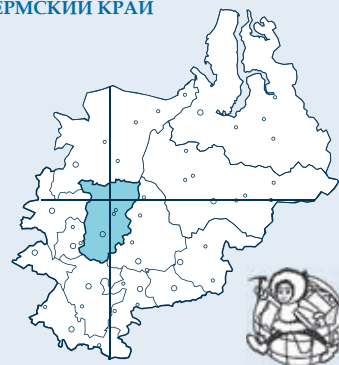
В этом году весна и лето на Вишере порадовали погодой. Майские дни были без резких колебаний температуры, заморозки в июне отсутствовали, а тут еще и неплохой урожай рябины и кедровой шишки облегчил нелегкую жизнь наших таежных меньших братьев. Выводки глухаря, рябчика, вальдшнепа радовали глаза, ну а проверка данных фотоловушек в очередной раз подтвердила, что почетное второе место (после лосей) по количеству фоторегистраций по-прежнему уверенно за собой «застолбил» заяц-беляк. С этим интересным зверем знаком каждый житель нашей страны. Еще с детского возраста он сопровождает нас из сказок и мультфильмов, а любая встреча с ним в дикой природе никого не оставит равнодушным.

Зайцы (лат. *Lepus*) — это род из семейства зайцевых. Распространены везде, кроме Австралии и Антарктиды, всего около 30 видов. От-

личаются длинными ушами, коротким хвостом, недоразвитыми ключицами, длинными задними лапами, что позволяет им передвигаться прыжками. Русак может достигать скорости 70 км/ч. Нас, жителей России, может удивить перечень видов зайцев, обитающих по всему миру:

- Антилоповый заяц
- Американский беляк
- Арктический беляк
- Аляскинский заяц
- Заяц-беляк
- Чернохвостый заяц
- Белобокий заяц
- Конский заяц
- Желтоватый заяц
- Чернобурый заяц
- Кустарниковый заяц
- Заяц-песчаник
- Заяц-голай
- Ракитниковый заяц
- Юньнаньский заяц
- Корейский заяц
- Корсианский заяц

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

Фото автора
и Василия Колбина.

Яркендский заяц
Японский заяц
Абиссинский заяц

Глядя на этот список видов, можно отметить, что «заячья рать» довольно внушительная.

Зрение слабое, слух превосходный

На территории нашей страны водятся русак, беляк, маньчжурский, толай, а также помесь русака и беляка — заяц-тумак. Что касается тумака, то мнения специалистов расходятся очень сильно. По общепринятому мнению, тумак рожден от самки беляка и самца русака, абсолютно бесплодный редкий гибрид, в равной степени унаследовавший характеристики родителей. На самом деле учеными установлено, что потомство, полученное в результате такого скрещивания, далеко не бесплодно. Самки-тумаки могут приносить детенышей от самцов обоих видов, а самец-тумак может удачно спариваться с самкой беляка. Одним из обязательных условий является наложение ареалов обитания видов, и, как правило, гибридизация происходит при доминировании одного вида над другим, когда представители не всегда могут найти подходящего партнера.

Зайцы живут по одиночке или парами. В отличие от других «ушастых» — кроликов, они не роют нор, а сооружают гнездо в небольших ямках. Зайчата рождаются развитыми, с шерстью и открытыми глазами, и мать остается с ними всего на 5–6 дней, а затем лишь иногда прибегает к ним. Зрение у зайцев слабое, обоняние хорошее, слух превосходный. Беззащитность по отношению к многочисленным врагам (человек, хищные млекопитающие

и птицы) делает их крайне осторожными и скрытными. Весной, после наступления брачного сезона, самцы ожесточенно состязаются за самок: встают на задние лапы и бьют друг друга передними. При этом они теряют осторожность, и тогда их часто можно увидеть людям.

В заповеднике «Вишерский» обитает лишь один вид зайцев — беляк (лат. *Lepus timidus*). Этот вид обитает в тундровой, лесной и частично лесостепной зонах Северной Европы, России, Казахстане, Монголии, Китае, Японии. Акклиматизирован в Южной Америке (Чили и Аргентина). Населяет некоторые арктические острова (Новосибирские, Вайгач, Колгуев). Южная граница проходит по южным окраинам лесной зоны. Это достаточно крупное животное с длиной тела взрослых особей от 44 до 65 см и массой тела от 1,6 до 4,5 кг. Самые крупные беляки обитают в тундре Западной Сибири (до 5,5 кг), самые мелкие — в Якутии и на Дальнем Востоке (3 кг). В заповеднике «Вишерский» беляк распространен по всей территории. Как в зимнее время года, так и в бесснежное он нередок в высокогорных участках горных тундр и в субальпийском поясе березового криволеся. Но все же наибольшая плотность распространения отмечается в прирусловых участках, занятых зарослями ивы, а также в районах произрастания осины и березы. Уши длинные (7,5–10 см), но заметно короче, чем у русака. Хвост обычно сплошь белый, относительно короткий и округлый, длиной 5–10,8 см. Лапы сравнительно широкие, ступни, включая подушечки пальцев (на охотничьем термине «пазанки»), покрыты густой щеткой волос. Нагрузка на 1 см² площади подошв у беляка всего 8,5–12 г, что позволяет ему легко передвигаться даже по рыхлому снегу (для сравнения: у лисицы она равна 40–43 г).

В окраске беляков наблюдается четко выраженный диморфизм: зимой он чисто белый за исключением черных кончиков ушей, а окраска летнего меха серого оттенка. Голова обычно окрашена несколько темнее спины, бока светлее, живот белый. Только в областях, где нет устойчивого снежного покрова, беляки на зиму не белеют. Самки в среднем крупнее самцов, но по окраске не отличаются. Линяет беляк два раза в год: весной и осенью. Линька жестко связа-

Зяц-русак
Иберийский заяц
Маньчжурский заяц
Курчавый заяц
Lepus starcki
Белохвостый заяц
Эфиопский заяц
Lepus microtis
Ханьнаньский заяц
Темношейный заяц
Бирманский заяц
Китайский заяц

◀ В большинстве случаев зайцы активны в ночное время

на с внешними условиями: ее начало запускает изменение продолжительности светового дня, а температура воздуха определяет скорость ее протекания. Каждый участок тела выливается при определенной среднесуточной температуре. Весенняя линька на большей части ареала начинается с февраля-марта и длится 75–80 дней. Пик линьки обычно приходится на период схода снежного покрова, и она идет от головы к огузку и от спины к брюшку. Полностью перелинявшие зайцы встречаются с конца мая — начала июня.

В снегопад не выходит

В пределах своего обширного ареала заяц-беляк распространен неравномерно, тяготея к угольям, обеспечивающим ему питание и надежную защиту. Наиболее равномерно он расселен летом, когда кормов много и передвигаться легко, осенью и зимой он совершает сезонные кочевки. В годы высокой численности его местообитания наиболее разнообразны. Он практически повсеместен

▲ След беляка на снегу

в долинах рек, где не только лучшие кормовые условия, но и можно спастись от паразитов, купаясь в приречном песке. В тундровой зоне тяготеет к кустарниковым тундрам, также зайцы встречаются у морского побережья. В лесной зоне старается избегать сплошных лесных массивов (осо-

бенно таежных) с высокой сомкнутостью древостоя. Наиболее привлекательны для него леса, разреженные лугами, речными долинами, а также участками старых, зарастающих га-

◀ Прибрежные участки Вишеры — излюбленные места обитания беляков в зимний период

рей и вырубок. Очень благоприятны для беляка центральные районы России, где хвойные участки леса обычно соседствуют с лиственными лесами и сельскохозяйственными угодьями. Он избегает обширных открытых болот и повсеместно встречается вблизи населенных пунктов. Характерно то, что беляки ведут одиночный территориальный образ жизни, занимая индивидуальные участки в 3–30 га. На большей части ареала это оседлый зверь и его перемещения ограничиваются сезонной сменой кормовых угодий. Массовые миграции характерны только для тундры, особенно при высокой численности зайцев. Их причиной в основном является высокий снеговой покров, который не позволяет поедать низкорослую тундровую растительность. А на Таймыре зайцы с сентября идут на юг, собираясь стаями по 15–20, а то и 70–80 особей. Протяженность миграционного пути порой достигает до сотен километров.

Заяц-беляк — преимущественно ночное и сумеречное животное. Обычно кормежка (жировка) начи-

нается с заходом солнца и заканчивается к рассвету.

Например, по наблюдениям зоологов, в Центрально-Лесном заповеднике пик двигательной активности отмечается с 22 до 02 часов. В заповеднике «Вишерский» установлено, что наибольшая двигательная активность у «длинноухих» (75%) выражена с 18 ч. до 02 ч. Обычно заяц за день проходит 1–2 км. В оттепель, снегопад и дождливую погоду беляк вообще не выходит на кормежку. В такие дни потери энергии частично восполняются за счет вторичного переваривания «орешков». День заяц проводит, приминая траву в укромных местах. Выбор места для лежки зависит от сезона и погодных условий. Зимой, в сильные морозы, заяц роет в снегу норы 0,5–1,5 м длиной, в которых может проводить целый день и покидать лишь в случае опасности. Роя нору, беляк уплотняет снег, а не выбрасывает его наружу. В тундре зайцы зимой роют очень глубокие норы длиной до 8 м, которые используют в качестве постоянных убежищ. В отличие от лесных собратьев, тундровые беляки при опасности не покидают норы, а затаиваются внутри.

С места лежки к месту кормежки зайцы бегают по одному и тому же маршруту, особенно зимой. При этом натаптывают тропы, которыми могут пользоваться несколько зверьков. Идя на лежку, заяц обычно пе-

▼ Следы беляков во время гона

▲ Беляк в летнем одеянии

редвигается длинными прыжками и путает следы, делая так называемые «вздвойки» (возвращения по своему следу) и «сметки» (большие прыжки в сторону от следа).

Настовики и листопадники

Беляк — растительноядное животное с четко выраженной сезонностью питания. Весной и летом он кормится зелеными частями растений; в различных частях ареала отдавая предпочтение клеверу, одуванчику, мышиному горошку, тысячелистнику, золотарнику, подмареннику, осокам, злакам. Охотно кормится овсом и клевером на полях. В северных частях ареала в большом количестве поедает побеги и плоды черники. Местами поедает хвощи и грибы. Осенью, по мере высыхания травы, зайцы поедают мелкие веточки кустарников. По мере установления снежного покрова питание грубыми кормами приобретает все большее значение.

Зимой беляк кормится побегами и корой различных деревьев и кустарников. Практически повсеместно в его рацион входят различные ивы и осина. Березы и лиственница объедаются им не так охотно, но из-за доступности служат важным источни-

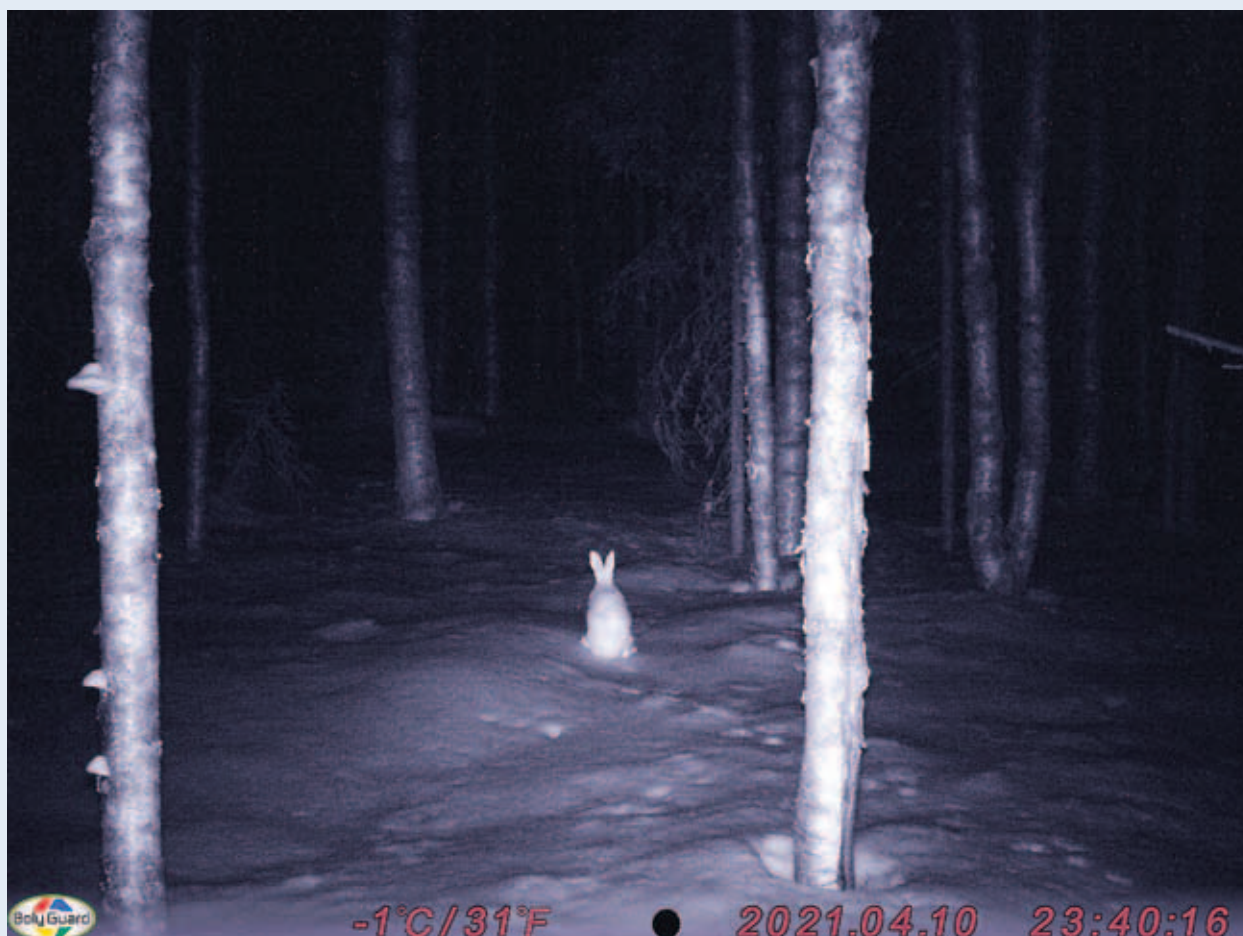
ков пищи, особенно в северных и восточных районах. На юге беляк нередко питается побегами широколиственных пород: дуба, клена, лещины. Местами в питании велика роль рябины, черемухи, ольхи, можжевельника, шиповника. При возможности и зимой раскапывает и поедает травянистые растения и ягоды, кормится сеном в стогах. В горах Дальнего Востока выкапывает из-под снега шишки кедрового стланика. Весной зайцы с жадностью поедают молодую траву на лужайках.

Как и все растительноядные животные, беляк испытывает дефицит минеральных солей. Поэтому он периодически поедает почву и заглатывает мелкие камешки. Очень охотно посещает солонцы, грызет кости павших животных и сброшенные рога копытных животных.

Беляк — весьма плодовитое животное. В Арктике, на севере Якутии и на Чукотке самки успевают произвести всего один выводок в год (летом), но на большей части ареала они размножаются 2–3 раза в году. Первый гон проходит в конце февраля — начале марта на юге ареала, в конце марта — на севере Европейской части России, севера Западной Сибири, на юге Якутии и на Са-

халине; в апреле — начале мая на севере Якутии, на Чукотке и в арктических районах Сибири. В нем обычно участвует 80–90% самок. Зайчата рождаются через 47–55 дней, в середине апреля — середине мая. В лесах в это время еще лежит снег, поэтому зайчат первого помета называют «настовиками», и именно это потомство наиболее подвержено губительному воздействию погодных условий. Вскоре после родов зайчиха спаривается вторично. Второй гон происходит в мае — начале июня, и в нем участвуют практически все самки. Зайчата второго помета рождаются в конце июня и в июле. В июле — начале августа в центральных и южных районах России проходит третий гон. В нем участвуют менее половины самок. Зайчата третьего помета рождаются в конце августа — начале сентября, а иногда и позднее, отчего их называют «листопадниками».

Количество зайчат в помете зависит от местообитания, возраста и физиологического состояния зайчихи. Характерно, что у таежных и тундровых зайцев в среднем 7 зайчат в помете, а в средних и южных

▲ Беляк в березовом лесу

частях ареала — от 2 до 5. Поэтому в итоге плодовитость у южных беляков лишь не многим больше, чем северных. Способность неоднократно размножения в течение одного календарного года является необходимым качеством для сохранения этого вида. Зайчата рождаются весом 90–130 г, покрытые густым мехом и уже зрячими. Уже в первый день жизни они способны самостоятельно передвигаться. Заячье молоко очень питательное и жирное (12% белков и 15% жира), поэтому зайчиха может кормить зайчат не чаще одного раза в сутки. Уже на 8–10 день они начинают подкармливаться травой и в возрасте двух недель становятся самостоятельными. Половой зрелости достигают в 10 месяцев.

Беляки живут в природе до 7–17 лет, хотя подавляющее большинство не доживает и до пяти лет. Плодовитость самок начинается снижаться уже с 4-го года жизни. В целом заяц беляк — обычный вид, легко приспосабливающийся к присутствию человека. Численность повсеместно изменяется по годам. Например, в заповеднике «Вишерский»

во время зимних маршрутных учетов на начало 2017 года было отмечено 3908 зверьков, в 2018-м — 3997, в 2019-м — 756, в 2020-м — 1441, а на начало 2021 года всего 482 зверька. К началу 2022 года ожидается существенный подъем численности беляков в связи с благоприятной погодой весной и летом. Это вполне подтверждает наблюдения знаменитого зоолога Теплова В.П. в Печоро-Илычском заповеднике, указавшего зависимость количества зайцев-беляков в первую очередь от количества атмосферных осадков, отсутствия засух и прямого воздействия солнечных лучей. Во время «влажных» годов размножаются эпизоотии, что служит основной причиной депрессии. Кроме того, после «урожаев» зайцев также следуют падения его численности, связанные с биотическими факторами (внутривидовые отношения и высокая плотность самой популяции). Причину эпизоотий не всегда удается установить. Известны случаи массовой гибели беляков от паразитирующих червей, из которых наиболее опасны круглые черви — нематоды, поселяющиеся в легких. При этом эпизоотия охватывает до 100% локальной популяции зайцев. Обычны также

кишечно-глистные заболевания, вызываемые нематодами и цестодами. Местами зайцев поражают печеночные трематоды, кокцидиоз, особенно опасный для молодняка. Известны эпизоотии и бактериальной природы — туляремия, псевдотуберкулез. В годы высокой численности зайцев возрастает и количество истребляющих их хищников: рысей, лисиц, филинов, беркутов. При начавшейся эпизоотии хищники ускоряют вымирание зайцев и после ее окончания задерживают восстановление поголовья. Годы высокой и низкой численности чередуются с определенной циклическостью, но при этом ни высокие «урожаи», ни депрессии никогда не охватывают одновременно весь ареал, а действуют локально.

Во второй половине XX века в литературных источниках нередко печаталась информация о негативном влиянии на популяции зайцев (особенно русаков) сельскохозяйственных организаций. При этом отрицательное воздействие на поголовье оказывали как использование технических средств, так и удобрений при нарушении технологии их использования и хранения (кучи удобрений зайцы лижут вместо соли и гибнут).☞

▼ Зброшенный участок железной дороги № 503. Фото И.Кузнецова

Летопись сооружения железнодорожной ветки Чум-Лабытнанги

По тундре, по железной дороге...

Эта дорога должна была стать составной частью трансполярной железной ветки, которая соединила бы Печорскую железную дорогу (Котлас — Воркута) с месторождениями и строящимся промышленным узлом на правом берегу Енисея. Этот стратегически важный объект позволял бы вывозить к промышленным центрам в европейской части СССР норильские полиметаллы.

В феврале 1947 года Совет Министров СССР принял постановление «О производстве проектно-изыскательских работ по выбору места для строительства порта, судоремонтного завода в районе Обской губы и железной дороги от Северо-Печорской магистрали до порта». Начальным пунктом был определён разъезд Чум на трассе Печорской магистрали, а конечным — Мыс Каменный на восточном берегу Ямала.

Изначально дорога включала три участка — Чум-Лабытнанги (стройка

№ 501), Обская — Новый Порт (стройка № 502), Салехард — Ермаково (стройка № 503). Стройка № 502 была признана неактуальной и прекращена ещё на стадии проектирования. Построенный же участок Лабытнанги — Салехард — Ермаково, уже оборудованный и снабжённый подвижным составом, также был позже заброшен. От всей сибирской части трассы дороги до нашего времени сохранился один действующий участок — Дудинка — Норильск.

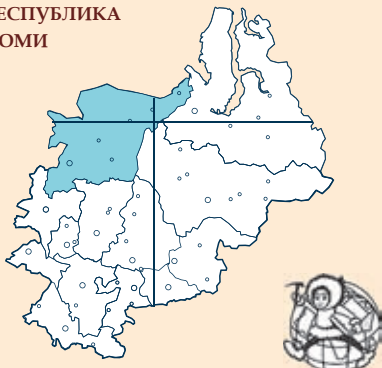
Изыскательские работы на будущей трассе проводились Министер-

ством Внутренних Дел, а будущего порта — управлением Главсевморпути (ГСМП). Они должны были закончиться к началу августа 1947 года. Для производства работ в апреле этого же года приказом министра внутренних дел СССР создано Северное управление Главного управления лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) с центром в поселке Абезь (Коми АССР). Управление строительства помещалось в длинной землянке, рядом находилась штабная колонна, где содержались заключенные, рабо-

► Баржа «Воркута» у пристани Воркута-Вом. Из фондов Воркутинского музейно-выставочного комплекса

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Фотографии
предоставлены автором

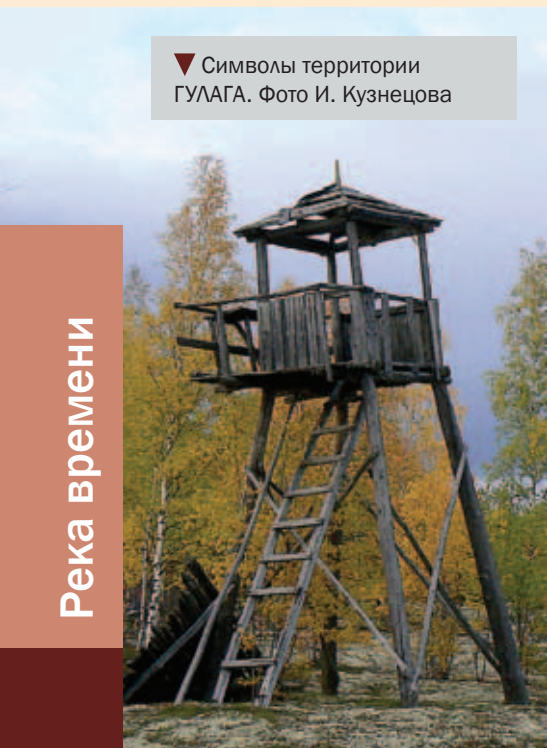
▲ Состав с кругляком-брёвнами для строек Воркуты в узловом центре, у пристани Воркута-Вом. Из фондов Воркутинского музейно-выставочного комплекса

▼ Фрагмент участка заброшенной стройки № 503 (восточнее Салехарда). Фото И. Кузнецова

▼ Подмытый участок пути. Фото И. Кузнецова

▼ Символы территории ГУЛАГА. Фото И. Кузнецова

◀ Рельсы XIX-го века.
Фото И. Кузнецова

▼ На вечном покое. Фото И. Кузнецова

тавшие в управлении стройки, и производственные лагерные колонны.

Начальником Северного управления ГУЛЖДС (СУЛЖДС) и строительства дороги № 501 и № 502 МВД СССР (сооружение железнодорожной ветки от трассы Чум-Лабитнанги в направлении мыса Каменного) был назначен В.А. Барабанов. На мысе Каменном планировали построить порт, судоремонтный завод и жилой посёлок.

В мае начались земляные работы от разъезда Чум на восток, и уже 2 августа был сдан в эксплуатацию первый мост — через реку Воркуту. Строительство было таким важным, что финансировалось по фактическим затратам через Промстройбанк Коми АССР.

К концу года выяснилось, что по объективным причинам строительства порта оказалось невозможно, и все силы бросили на строительство 192-километровой ветки Чум-Лабитнанги. Авторами этого проекта были инженеры Н.Д. Михеев и А.Д. Жилин. К началу декабря 1947 года уже было открыто рабочее движение поездов на участке Чум – Сось, протяженностью 118 километров. Дорога была проложена через Полярный Урал по Сось-Елецкой долине, прорезавшей его насквозь. В 1948 году здесь прошёл первый рабочий поезд, а в постоянную эксплуатацию ветка была принята в 1955 году.

До наших дней на всём 192-километровом пути сохранилось восемь станций — Чум, Елецкая, Хорота, Полярный Урал, Сось, Харп, Обская и Лабитнанги. Не все из них так именовались изначально. Так, станция Елецкая изначально носила название Елецкий, что связано, видимо, с находившимся рядом одноимённым посёлком (назван так по протекающей рядом реке Елец). Станция Харп до января 1968 года именовалась Подгорной, видимо, из-за того, что располагалась уже за предела-

► Сохранившиеся строения.
Фото И. Кузнецова

ми высоких уральских хребтов (под горами). Названия всех станций происходят от находящихся вокруг них географических объектов.

На участке от Чума до моста через реку Воркуту изначально существовали три остановочных пункта — Предузловая, Виль-Вож и Пурга, позже упразднённые. Мост через реку Воркуту, ширина которой достигает 50–70 м, — это первое сложное техническое сооружение. Это место на географической карте Русского Севера одно из наиболее примечательных; тут сливаются две реки — Уса и Воркута. Отсюда началось освоение Воркутинского угольного месторождения и основание самого города Воркуты. Чуть выше устья Воркуты на Усе еще в 1931 году был организован посёлок Усть-Воркута, или Воркута-Вом (по-коми), и одноимённая пристань. Сюда из Нарьян-Мара по Печоре и Усе на баржах доставляли необходимые для будущего Воркутинского промышленного узла грузы и заключённых. Первые несколько лет от этой пристани лошади тащили вверх по Воркуте баржи с грузами, будущими строителями и шахтёрами. В 1933 году до строящегося города по левому берегу реки проложили 64-километровую Воркутинскую узкоколейную железную дорогу, и она до начала войны выполняла роль основной транспортной магистрали. Сюда же на баржах по Воркуте доставляли уголь с воркутинских шахт для вывоза на «большую землю». В 1941 году пристань ликвидировали.

На правом берегу Усы, от реки, шла грунтовая дорога к созданному на левом берегу Воркуты, за мостом, у железной дороги ДОК (деревообрабатывающему комбинату). Рядом с ДОК'ом

находилась одноимённая станция (она имела статус станции 3-го класса). Часть строений находились между рекой и полотном дороги. Для подачи воды из Усы имела водокачка, соединённая водопроводом с ДОК'ом, а для заправки водой паровозов — гидроколлонка. Давление в водоподводящей системе поддерживалось с помощью водонапорной башни.

Место слияния этих двух рек сливается совершенно непохожими на окружающую тундру пейзажами: тут на широких пойменных террасах можно наблюдать похожие на лес многометровые в высоту ивовые заросли и луга с многоцветным разнотравьем. Да и за пределами пойм обеих рек находится последний в предгорьях лесной массив. Он тянется на север, по Воркуте вверх на пару километров, и на восток, в направлении Полярного Урала, включая восточный склон хребта Усвабердмусюр, и вниз по Усе. На правом берегу реки Усы близ устья реки Воркуты возвели большой посёлок — Сангородок, состоявший из десятка с лишним зданий. Для снабжения домов водой были выстроены водонапорная башня с водокачкой. С левым берегом Усы Сангородок связывала паромная переправа. Развитая пойма рек благоприятствовала созданию тут очага сельскохозяйственного освоения. Были организованы выпас коров и лошадей, сенокосы. Сенокосы тянулись вниз по течению Усы, где на правом берегу для нужд сенокосников было организовано «пристанище» типа хутора, Тит.

Восточнее ДОК'а несколько десятков километров железная дорога проходит совсем рядом с рекой Усой. Первой от ДОК'а находилась станция Ники-

та, а ближе к реке Усе — одноимённый посёлок. В былые времена на станции и в посёлке было несколько жилых строений, но последние несколько десятилетий постоянного населения тут нет. Примерно в километре от Никиты находился разъезд Усинский из нескольких технических строений, барачков и казарм.

В 200–300 метрах от разъезда Усинского железная дорога по мосту пересекает реку Усу, а дальше, в 100–150 м от него, находится ещё один переход — мост через реку Лёкьелец. Это место слияния крупных рек Усы, Лёкьельца и Ельца. Между устьями Усы и Лёкьельца находилось селение Елец.

Восточнее моста через Лёкьелец — станция 2-го класса Елецкая. Она существует с 1949 года. Рядом со станцией находится посёлок Елецкий, где проживает обслуживающий железную дорогу персонал, а также администрация поселения. Это единственная станция на всей железнодорожной ветке, где сохранилось первоначальное здание вокзала. На первых этапах существования станции и посёлка здесь располагался большой мужской лагерь, который ликвидировали только в 1958–1959 годах. В 1954 г. вместо старого депо с двумя канавами для осмотра паровозов и вагонов было построено новое. На станции имелся угольный склад для обеспечения паровозов топливом. Здесь же была одноэтажная электростанция с машиной «Локобилль», топившейся углём, с паровым котлом, топкой и паровой машиной. Стоял здесь и ангар Хойлинского горно-обогачительного комбината (сюда планировали вывозить бари́ты с крупнейшего в стране Хойлинского месторождения).

▲ Остатки известкового завода на бывшей ст. Береговая. Фото Д. Дьяконова

В первые годы существования станционного посёлка в нём появились овощехранилище, интернат, под который был приспособлен обычный жилой дом, магазин, больница, занимавшая старый барак с печным отоплением, пожарное депо с пожарной машиной. Елецкий поселковый совет занимал деревянное одноэтажное здание послевоенной постройки без водопровода и канализации, но с печным отоплением. Имелась в станционном посёлке и школа, под неё было приспособлено деревянное одноэтажное здание с восемью печами. В интернате обучались дети ненцев и коми оленеводов, русских железнодорожников, живших на станциях, разъездах и в посёлках.

Со времен ГУЛАГ'а в посёлке имела некоторая инфраструктура — танцплощадка, фонтан и сквер. Со временем тут построили отдельные здания интерната (двухэтажное) и больницы, детский сад, ясли, почтовое отделение, сберкасса, столовую, библиотеку, мастерскую по пошиву одежды и метеостанцию. Появились и улицы — Вокзальная, Железнодорожная, Школьная, Набережная, Советская, Тундровая, переулки Связой и Школьный. Жилые дома, увы, многие годы напоминали бараки, что являлось наследием недавнего прошлого. В первые годы после начала эксплуатации железнодорожной ветки в посёлке проживало три тысячи человек, а затем численность жителей стала снижаться. При станции и посёлке существует своё кладбище.

От станции Елецкой начинается второй перегон (длиной 66 км) до станции 3-го класса Сось с двумя промежуточными станциями Хорота и Полярный Урал. В начале перегона есть одно

примечательное место — платформа 61 км. Сначала это была станция Береговая. Такой её высокий статус был связан с тем, что во время строительства тут располагался известковый завод, от которого сейчас остались лишь кирпичные трубы (очень характерной формы — «бутылка») и остатки стен. На этом перегоне было ещё несколько «остановок» — платформа 70 км, станция Хорота, платформы 86 км и 92 км, разъезд Тундровый (позже 101 км). В этих точках располагались сараи, бараки и казармы с рабочим инвентарем для ремонта и обслуживания дороги, здесь же могли останавливаться и путевые рабочие.

На очень важном в историко-природном отношении рубеже — Сось-Елецком перевале, изначально находился разъезд Полярный Урал, позже его статус был повышен до станции 3-го класса. На первых этапах строительства на разъезде находился пункт обслуживания подвижного состава с канавой для осмотра паровозов и вагонов, гидроколонка для заправки паровозов водой. Воду качали из озера Перевального, где на северном берегу стояла водокачка, и подавали её вверх по склону по трубе, проходившей под полотном дороги. Рядом со зданием вокзала находилась водонапорная башня. Была тут и метеостанция. До мая 1950 года здесь располагалась Центральная база Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции. Позже её перевели на 106-й км (в тупик карьера стройки 501).

Восточнее располагался разъезд Волоч (впоследствии 101 км). Ещё восточнее была организована «остановка», которая в течение 70 лет не раз меняла своё название. В связи с переносом сюда

со ст. Полярный Урал базы геологоразведочной экспедиции с мая 1950 года здесь развернулось большое строительство: сооружение складов и удлинение железнодорожного тупика. Железнодорожный тупик был удлинён до максимальной возможности в 250 метров. Так возник на 106 км железной дороги Чум — Лабытнанги посёлок Полярный.

Посёлок просуществовал почти пятьдесят лет, до 2004 года. В нём находилась производственная зона с конторой Полярно-уральской геологоразведочной экспедиции, гаражом, механическими мастерскими, пилорамами и складами. Тут же впечатляющая свя-

▼ Участок дороги стройки № 501 на перегоне Сось-Харп. Фото Д. Баландина

тая святых бывшего «геологического треста» — керно-хранилище, уникальный банк данных, где хранятся образцы пробуренных горных пород. Если все керны выложить в ряд, то получится своеобразная «лента» с информацией о «прошлом» хребтов Полярного Урала, по которым можно проследить историю Полярного Урала с древнейших геологических эпох. Фактически недра — это Полярный Урал в «историческом» разрезе.

► 4-пролётный мост через р. Бол. Пайпудыну. Фото Д. Баландина

► Современная схема Северного широтного пути

Время расцвета посёлка пришлось на 1970–1980-е годы. Его жилая часть включала пятнадцать двухэтажных 16-квартирных домов с централизованным водоснабжением и отоплением. Здесь также находилась котельная, дизельная электростанция, водозабор из двух скважин, средняя школа (последний выпуск которой состоялся в 2004 году), баня, детские игровые площадки, ясли-сад, клуб, аптека, магазины, гостиница, горнолыжный подъёмник, узел телефонной связи (а позже и — радиосвязи и спутникового телевидения) и даже крытый каток. Повсеместно были заметны те-

лехард, кто в поселок Харп, а кто и совсем уехал с Севера. Помимо геологов и обслуживающего персонала, тут также проживала часть бригады, обслуживающей прилегающий перегон железной дороги. Восточнее Полярного железная дорога по четырехпролётному мосту пересекает реку Большую Пайпудыну. За ним — станция Сось. Как и на всех станциях этой ветки, помимо основного пути, тут ещё два дополнительных. Строения стояли на южном склоне северного хребта долины и у берега реки. На станции паровозы дозаправлялись водой, для чего имелась гидроколонка и снабжающая её водой водокачка.

Восточнее станции Сось теснившие речную долину хребты постепенно отодвигаются от трассы, и в глубь уральских гор наступает лиственничный лес. На самом длинном перегоне

▼ Прибытие пригородного поезда «Воркута-Лабитнанги» на о.п. Полярный в 1962 г. Фотография из фондов Городского краеведческого музея г. Лабитнанги

◀ Зброшенный пос. Полярный близ остановочного поста 106 (110) км. Фото Сергея Карпущина

леантенны, посёлок имел и своё почтовое отделение.

В Полярном проживало более тысячи человек. К 2004 году все его жители были переселены: кто в город Са-

www.uralstalker.com

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Сось-Харп всего три «остановки», их названия трижды изменялись. Неподалёку от платформы Красный Камень размещалась одноимённая мужская лагерная зона.

До конечной станции Лабитнанги остались две станции этой ветки — Харп и Обская. Фактически они являются последними перед конечным пунктом — станцией Лабитнанги. Станция Обская во время постройки ещё в конце 1940-х годов должна была стать узловой станцией, откуда планировалось тянуть путь ветку на Ямал, к порту Мыс Каменный.

От бывлой обстановки на железнодорожной ветке практически ничего не сохранилось. На одних станциях-разъездах отстроены новые здания вокзалов, выкрашенные ядовито-жёлтой краской. Кое-где рядом с ними ещё можно увидеть старые строения, ныне более напоминающие «сарай». На других — старые деревянные вокзалы обшиты сверху сайдинговым профилем кислотного жёлтого цвета и они уже смотрятся более красивыми на фоне серых гор...

С середины 1980-х годов, в связи с освоением нефтегазовых месторождений Ямала, осуществлялся проект постройки железнодорожной ветки Обская — Бованенково (на Ямале), проходящая почти по всей территории Ямала до зоны освоения. В настоящее время, связи с перспективой промышленного развития месторождений и промышленных узлов Западной Сибири, предложено реанимировать проект в виде Северного широтного пути, соединив конечный пункт ветки Чум — Лабитнанги и Ермаково (на Енисее), а далее продлить в сторону Норильска. **У**

Открой для себя Ямал

Итоги камнецветной экспедиции

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

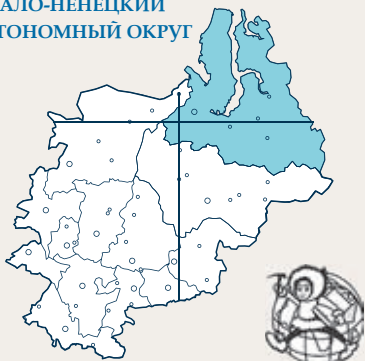

Фото автора

Через Харбейский перевал мы вышли в долину реки Большая Пайпудына и начали спускаться вниз к поселку Полярный. Наш путь проходил мимо таких интересных объектов, как Сафроновское месторождение фосфоритов, проявление фельзитов, проявление баритов.

Ночевали мы в поселке Полярный среди местных достопримечательностей и в кругу хороших знакомых — больших специалистов геологии: Игоря Перминова и Володи Дроздова. Уточнили маршруты и привязки, получили ценную информацию о новых-старых объектах. Сам поселок произвел удручающее впечатление, кругом разрушенные жилые дома, производственные базы. Особенно грустно было смотреть на гордость ПУГРЭ — кернохранилище, которое в 80–90 годах было главным хранилищем всего каменного геологического материала горной части Полярного Урала. Мы немного походили по его территории, собрали

коллекцию керн и редких пород для студентов родного Горного университета.

Утром мы отправились в горы через долину реки Сось и подошли к «нашему старому другу» — массиву Рай-Из. Раньше мы уже совершали экспедиции вокруг него (смотри «Уральский следопыт» декабрь 2019), но теперь решили зайти на Конгорский перевал, который иногда называют Собский, с противоположной стороны. Среднегорье встретило весьма сурово — сильным ветром и холодом. За 2 года дорога стала еще хуже — сказались сходы снежных лавин. С перевала начинается известная у любителей камня река Макар-Рузь.

▲ Первоцветы Рай-Иза

Сначала это небольшой ручеек в камнях, а в низовьях уже не в любом месте переедешь вездеходом.

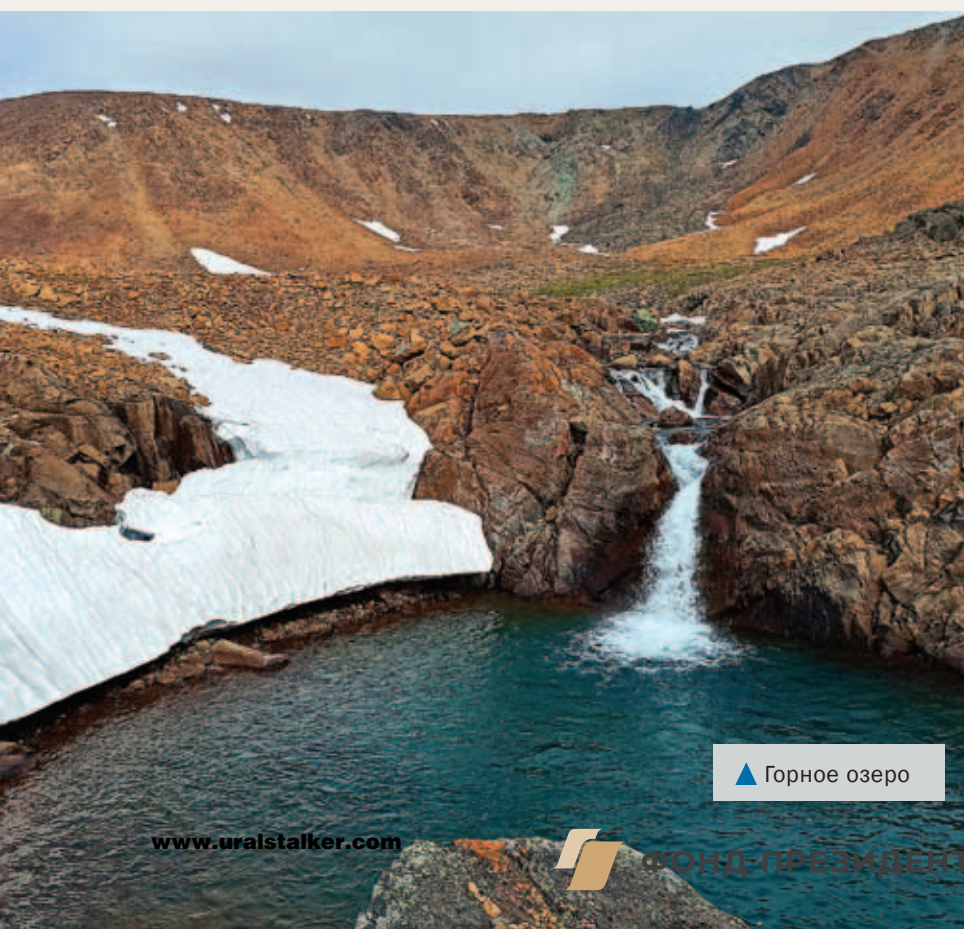
Следующей остановкой при спуске с Конгорского перевала стала «точка Заварицкого» — первое ущелье по левому берегу р. Макар-Рузь. Территория интересна тем, что в 1925 году его впервые посетил академик А.Н. Заварицкий и описал местные редкие породы, которые начинаются от места впадения в реку ручья Левая Макар-Рузь. В 2019 году мы изучили ущелье только в самом начале. В этом году решили пройти его до конца, поднимаясь вдоль самого ручья. Через полтора ки-

лометра мы увидели каскад небольших водопадов. В самом верху ущелья нам попалось безмянное красивое голубое озеро с ледником, которое поразило своей красотой. На всем протяжении маршрута участникам экспедиции попадались необычные и редкие горные породы, а также удивительные полярные цветы.

Ниже по течению реки Макар-Рузь находится месторождение хромитов «Центральное», отвалы и штгольни которого хорошо видны из долины реки. Раньше это место хорошо знали любители камня как проявление «Рубиновое», иногда как Рубиновый ручей.

▼ Кернокладбище

▲ Горное озеро

 ▼ В маршруте, точка Заварицкого

В аллювиальных и в склоновых отложениях попадались красивые образцы темно-красных корундов — рубинов во флогопитовой оторочке или плагиоклазитах. На самой вершине горы в 1968–1971 гг. экспедицией № 121 из Ленинграда было выявлено и частично разведано это проявление. Оно было представлено небольшими телами рубиноносных плагиоклазитов среди мелко- и среднезернистых дунитов с линзами гигантозернистых дунитов и хромитовых руд. Проявление не обрабатывалось промышленно,

но усиленно посещалось как геологами, так и любителями. В начале 2000-х добычные карьеры поглотили этот минералогический объект и он стал охраняемой зоной, поэтому любители стали очень мешать производственникам. Небольшую штольню взорвали и засыпали. В настоящий момент можно лишь случайно найти мелкие образцы с корундом в месте впадения Рубинового ручья в реку Макар-Рузь или на отвалах штольни и поискать что-то из «былой роскоши». Карьеры месторождения хромитов «Центральное» возмож-

но посетить только с письменного разрешения АО «ЧЭМК».

Следующей интересной точкой стал район впадения в реку Макар-Рузь ручья Черный. В этом месте встречаются крупные выходы *тултизированного габбро*. Это красивые полосчатые и пятнистые породы, состоящие из плагиоклаза и роговой обманки. Особенностью данных пород является повсеместное развитие в них нежно-розового тулита, что придает породам особую декоративность. Зона развития тултизированного габбро протягивается

 ▼ Суровое гостеприимство Конгорского перевала

▲ Долина р. Макара-Рузь

▼ Дороги, которые мы выбираем

▲ Конгорский перевал

от горы Черной до реки Хараматолоу, а это десятки километров. В конце 90-х годов на проявлении Кушвож, которое находится в представленной зоне, проводились поисково-оценочные работы для добычи этого интересного камня. Из-за слабого развития камнеобработки в регионе облицовочный камень на Полярный Урал стало выгодно завозить из Турции или Санкт-Петербурга. По мнению сотрудников Уральского центра камня, этим оригинальным поделочным камнем можно облицевать не одну станцию метро. Для пополнения коллекции мы взяли хороший образец, состоящий из крупных кристаллов роговой обманки и сочного тулита для Ямало-Ненецкого окружного Музейно-выставочного комплекса имени И.С. Шемановского, чтобы показывать красоты Ямала.

Гора Черная всегда заманивала геологов и любителей своими, пока до конца не изученными и разведанными «изюминками». Это и корундовая минерализация, и другие коллекционные минералы, такие как аксинит, плагиоклаз, рутил. Наша команда решила посетить ущелье, из которого вытекает ручей Черный. По имеющейся информации, там добывали редкий поделочный камень — *актинолитит*, который на 95–98% состоит из игольчатого актинолита. Подъем на самый верх ущелья оказался достаточно крутым и сложным, несмотря на старую вездеходную дорогу. По пути нам попадались отдельные небольшие куски сплошного актинолита и тулитового габбро. В конце ущелья около коренных выходов мы обнаружили настоящие каменоломни. На площади 300 на 400 метров находятся уже оторванные от скалы большие блоки актинолититов. Нас пораз-

▼ Глыбы актинолитита на г. Черная

▼ Штурм снежника

ила необычная фактура и цвет камня, с которыми ранее мы как специалисты нигде не встречались. Конечно, отобрали образцы для более внимательного и всестороннего изучения этого нового поделочного камня.

В конце нашей экспедиции мы выехали в долину реки Енга-Ю, где осмотрели красивые формы выветривания дунитов. Иногда природа так обрабатывает исходный материал — горную породу, что появляются необычные формы, которые фантазия человека облачает в причудливые образы.

За 4 дня было пройдено около 250 км на вездеходах, 50 км пешком по горам. Собрана внушительная коллекция образцов и поделочных камней, с которой предстоит еще серьезно поработать. Впереди нас еще ожидали заброски на месторождение хромитов «Центральное» для добычи самого крупного в мире штуфа с райизитом в коренном обнажении, небольшой маршрут в «сердце Рай-Иза» — долину ручья Нырдовомен-Шор, или нефритовую долину, встречи с интересными людьми и передача лучших образцов

в музей им. Шемановского. Итоги нашей экспедиции будут использованы Департаментом природных ресурсов для продвижения проектов правительства Ямало-Ненецкого автономного округа по реализации туристического и научно-исследовательского потенциала Полярного Урала, для показа красивых и известных мест этого сурового и до конца не познанного края. **✎**

▼ Ямальская душица

Упаковка должна быть красивой, функциональной, экологичной!

Сегодня на долю упаковки приходится более 15% продукции, потребляемой человеком. При этом для ее изготовления используется более 20% пластика, производимого в мире, хотя большая часть упаковки предназначена для одноразового потребления. Поэтому так важно, чтобы упаковка была не только удобной для потребителя, но и в процессе ее утилизации наносила наименьший вред окружающей среде.

В мире профессиональное изучение упаковки, ее технологии, конструирования и дизайна существует более 100 лет. В России лишь в 1995 г. в системе высшего образования была введена принципиально новая специальность «Технология и дизайн упаковочного производства».

Из чего делают упаковку? Список материалов очень широк: бумага, картон, полимерные материалы, древесина, стекло, упаковка из металла. Вся эта упаковка делится на детскую и взрослую, экологичную и неэкологичную, пищевую и непищевую. Поэтому для каждой упаковки очень важны как конструктивные характеристики, так и дизайн: как она открывается и закрывается, цвет, шрифт, ее размеры. Особенно важным является экологичность, ведь безопасная утилизация и переработка использованной упаковки входит в рейтинг самых острых проблем современного общества. Поэтому целый ряд преимуществ по сравнению со всеми прочими вариантами имеет картонная упаковка: ее можно перерабатывать, на картон можно нанести любое графическое изображение и применить всевозможные декоративные украшения, а еще он удобен для транспортировки и хранения.

В последнее время большое внимание уделяется применению биоразлагаемых («зелёных») композитов. Для получения таких материалов применяют целлюлозные волокна, порошок скорлупы кокосов, пектин, крахмал и даже морские водоросли. Биоразлагаемая упаковка хорошо подходит для ис-

пользования в сельском хозяйстве (компостных мешков или горшков для рассады). Из зеленых композитов делают одноразовые бутылки, стаканчики для молока, соков, воды. Изучение свойств древесно-полимерных композитов — увлекательное и очень актуальное научное направление, по которому ведут работу ученые на кафедре Технологий целлюлозно-бумажных производств и переработки полимеров профессор В.В. Глухих и доцент А.Е. Шкуро. Ученые разрабатывают технологии получения изделий из полимерных композитов с различными показателями скорости биоразложения.

Под руководством профессора, доктора наук Алеси Валерьевны Вураско на кафедре студенты не только изучают все тонкости полиграфического и упаковочного производства, но и имеют возможность пройти учебную практику на лучших предприятиях области, достойно соревноваться с будущими коллегами из других вузов. А еще на кафедре есть собственный музей упаковки, где вы можете познакомиться с уникальными экспонатами из жестяных баночек и стеклянных бутылочек, давно выпедших из обихода, вы можете увидеть и даже подержать в руках полимерную упаковку знаменитого уральского майонеза. Вы можете увидеть работы выпускников и понять, что вы можете лучше, только пусть научат!

Научная библиотека УГЛТУ.
Фото из архива профессора
О.В. Вураско

Почему Лестех?

Уральский государственный лесотехнический университет — единственный вуз в Урало-Сибирском регионе, готовящий специалистов лесного профиля. Богатая история, научные школы и накопленная материальная база являются огромным потенциалом для подготовки кадров в лесном комплексе, экологии, экономике, туризме для достижения целей устойчивого развития.

Телефоны приемной комиссии:
(343) 221-22-00, 8-800-350-61-10

Сияние кварцев

Коллекция Владимира Сладкова

▲ Виды Приполярного Урала

Ирина Герулайте

Журналист, выпускник УрФУ. Закончила музыкальное училище имени П.И. Чайковского (по классу специального фортепиано). Работает преподавателем джазовой импровизации, устраивает концерты. Увлекается походами по Уралу и изучением минералогии. Автор цикла песен по творчеству П. Бажова и Р. Желязны. Публикуется в издательствах Санкт-Петербурга и Казани.

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

Фото из архива Владимира Сладкова и Евгения Томплоня

Геологи не боятся экстрима, у них такая работа. Но цель их вовсе не острые ощущения сами по себе. Цель другая, благородная — открывать людям красоту планеты. И ведет их по этому пути любовь к делу, которому они служат: они знают и любят ее, минералогию.

▲ Кальцит, щетка кристаллов на кварце. Месторождение Додо, Приполярный Урал

Великолепные образцы кварцев Владимира Борисовича Сладкова, известного уральского геолога, были найдены на Приполярном Урале. Все

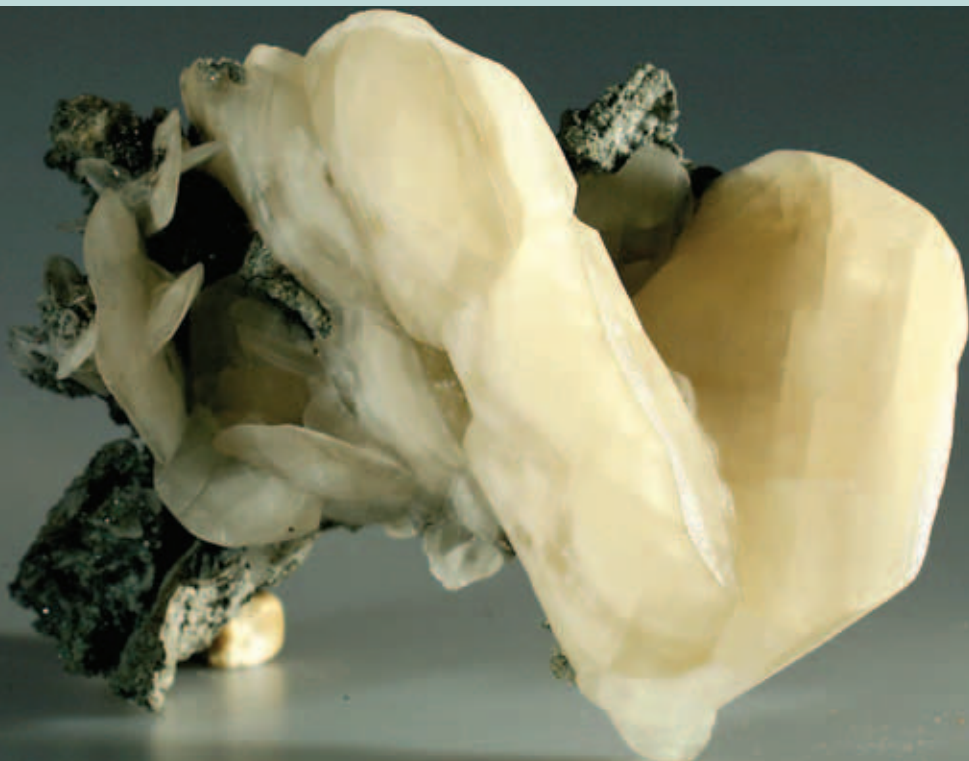
камни необыкновенные. Одни похожи на воду северных озер, другие — на водопады, потоки которых льются с холодных гор. Иногда их цвет напоминает снега, которые никогда не сходят с северных вершин. Или, как морион, напоминают оттенок нескончаемой полярной ночи. Кварц и все его разновидности (дымчатый кварц-раухтопаз, мо-

рион и другие) здесь по составу особенно чистые, качественные. Так сложилась геологическая ситуация для этой породы. Традиционно кварц идет для производства оптики, полупроводников и оптического волокна, в области химии. Коллекцию крупных и выразительных, словно говорящих на твердом и прозрачном языке, кварцев Владимир Бо-

◀ Апатит, сросток кристаллов с хлоритовой присыпкой на кварце. Месторождение Додо, Приполярный Урал

▼ Коллекционеры на месторождении Додо

◀ Кальцит, сросток кристаллов. Месторождение Пуйва, Приполярный Урал

ралы на коллекционном участке, доставляя на базу в Новоалексеевку под Первоуральском. Эти образцы стали пополнением учебной коллекции, которая, думаю, до сих пор используется в обучении студентов горных и других вузов страны.

Поселение зырян

Владимир Сладков приехал в поселок Саранпауль в первый раз с экспедицией «Уралкварцсамоцветов». Само слово Саранпауль переводится как «поселение зырян», а зырянами ханты и манси называли коми, которые перешли на восточный склон Урала. В девяностые годы XX века начались первые экспедиции. А уже после развала Союза, начиная с 2000-х, мы ушли на «вольные хлеба», стали ездить на Приполярный Урал самостоятельно. Сезон обычно начинается в конце июня, до этого времени здесь идет активная весна, и снега в горах очень много. Поэтому в короткий летний период мы прилетаем туда вертолетами, так как техника там не пройдет. Было две зимних поездки, но стало понятно, что там крайне сложно пройти из-за снегов — техника, как правило, не выдерживает.

Где жили геологи

Одно из ценных свойств Приполярного Урала — его удаленность от цивилизации. Здесь нет дорог, человек не нарушает экологию края, и природа сохраняется в первозданном виде. Здесь

рисович собирал не один год вместе с дружной командой таких же увлеченных смелых геологов.

Последователь Ферсмана

В свою профессию Владимир Борисович попал благодаря книге «Занимательная минералогия» А. Ферсмана, которая была издана еще в 30-е годы прошлого века и была направлена на популяризацию минералогии. Одним из первых серьезных заданий как

специалиста для Владимира Сладкова стала работа в «Уралкварцсамоцветах», где он собирал материал учебной минералогической коллекции для вузов СССР. Эта коллекция является наследием минералогической лаборатории при УОЛЕ, созданной в 1889 году О.Е. Клером в Екатеринбурге (где было основано общество любителей естествознания). Лаборатория существовала до конца 90-х годов XX века. Нашей задачей было собирать руды и мине-

▶ Участок штольни, пройденный в линзе вечной мерзлоты. Месторождение Додо

► Дымчатый кварц, параллельный сросток скрученных кристаллов. Месторождение Пуйва, Приполярный Урал. Из коллекции В.А. Пелепенко

в принципе нет сотовой связи и практически нет людей. Рядом с базой находится небольшой поселок предприятия, добывающего кварц. В поселке, где находилась база геологов, никто не живет. Когда-то, в советские времена, здесь круглые сутки, в три смены, работали люди, добывали кварц. Работы здесь закончились в 2001 году, и сейчас поселок брошенный, в нормальном состоянии поддерживаются лишь два дома, оставшиеся с 40-х годов. Зимой здесь ветра бешеные и приходится чинить крышу каждый год.

Месторождения кварца

Додо, Пуйва, Желанное — так звучат названия месторождений кварца на Приполярном Урале. Кварцы находятся довольно глубоко. Штольня — это горная выработка, тоннель в гору. При прохождении тоннеля вся порода, которая извлекается, складывается рядом. С конца 30-х годов до 2001 года на этом месторождении было около 70 километров подземных выработок. Основная задача в этих местах была геологоразведочная выработка, далее нужно было посчитать запасы, поставить на баланс. И тогда на это государство выделяло деньги. Сейчас же на геологоразведку деньги не выделяются. И, в принципе, львиная доля месторож-

дений была найдена и разработана исключительно в советские времена.

Специалист по определенным признакам можем определить, где будет хрусталеносное гнездо. Разработчики в принципе брали только чистые, кондиционные кварцы. Камни же с вкраплениями (хлорита, например) не брали. Зато как коллекционные эти камни

как раз интересны. Если же говорить про условия жизни в тех краях, то комары далеко не самое страшное. Квадроциклы, вездеходы летом помогают преодолеть расстояния. Хотя иногда пешком быстрее — скорость транспорта не больше 20–30 километров в час. В штольнях, поскольку они старые, довольно опасно работать. И надо хорошо знать, куда не стоит ходить. В общем, само путешествие в те края сильно затратное, опасное и не прибыльное. Много зависит от техники, от погоды. Но эти места манят. Коллекционеры интересуют небольшие объемы, интересные образцы, то есть важна эстетическая составляющая камня.

Любая находка, любое вскрытое гнездо — большая удача и своего рода артефакт. Когда среди серого сланца ты откапываешь проводник кварцевой жилы и вдруг сверкает кристалл кварца, то это огромная радость. И когда ты осознаешь, что этому хрусталеносному гнезду 200–300 миллионов лет, а в темноте земли все сверкает и переливается, ты вдыхаешь тот же воздух, которым дышит этот древний кварц, это великолепно. **✎**

◄ Горный хрусталь, сросток кристаллов в хлоритовой «рубашке». Месторождение Пуйва, Приполярный Урал. Из коллекции В.А. Пелепенко

Белая стая

Решение свыше

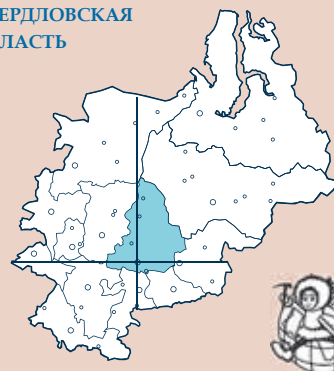
Летом 1980 года один из хороших маминых друзей – техник котельной Василий Джулай – привёз меня на электричке на озеро Флюс в палаточный лагерь детского морского отряда «Каравелла». С этого момента, собственно, и ведёт отсчёт моей личной истории в «Каравелле». Вася прекрасно играл на гитаре, быстро подбирал музыку к песням, сам сочинял отличные тексты. В то время в Советском Союзе работать по какой-то рабочей специальности, совмещая её с творческой деятельностью: петь песни или выступать в драмкружке, было даже как-то престижно. Там, где были Вася и его гитара, всегда сразу собирался народ. О том, что он по совместительству работает на общественных началах с детьми в «Каравелле», да ещё и помогает писателю Крапивину с организацией какого-то палаточного лагеря на Флюсе, мы узнали внезапно. Но поскольку мои родители в тот момент были всерьёз озабочены вопросом, куда «приспособить ребёнка» подальше от города, оторвав от пагубного влияния ви-

зовской уличной мальчишеской компании, то появление Василия было воспринято как знак с небес.

На Флюсе мне не понравилось. Я вообще не любила тогда палаточные лагеря, пешие походы с многокилограммовыми рюкзаками, вахты, комаров и т.д. Потому что романтику пилки дров вручную и ежедневной топки печи зимой мы с мамой постигали в нашей многоквартирной коммуналке во всей полноте чувств и ощущений. Яхты-мушкетёры, на четыре паруса каждая, которые, в зависимости от силы ветра, легко трансформировались из двухмачтовых в одномачтовые, конечно, завораживали. Да и ребята были хорошие... Песни у костра... Сказки, а чаще чтение каких-то фрагментов новых книг командора... Его все звали просто Слава.

Но сразу менять привычный образ жизни было трудно. Об этом и сказала честно командору, когда он спросил, почему мой взор всегда столь суров. И он тогда ответил, что «у каждого своя Дорога, которая зовёт в путь. А главное дело жизни, не слушая никого, най-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лариса Крапивина

Командор детской парусной флотилии «Каравелла», яхтенный капитан, член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, Почётный работник сферы молодёжной политики РФ.

ти именно свою. Но изначально ждать от мира пакостей не стоит, потому что по невысказанным вселенским законам мир устроен так, что в нём всегда есть и хорошее, и плохое. Вопрос только к каждому из нас, как мы сами смотрим на мир и на какую сторону встанем».

Оглядываясь назад, могу сказать, что выбор «поменять лодку» был предоставлен судьбой не раз, но почему-то делать этого уже не хотелось.

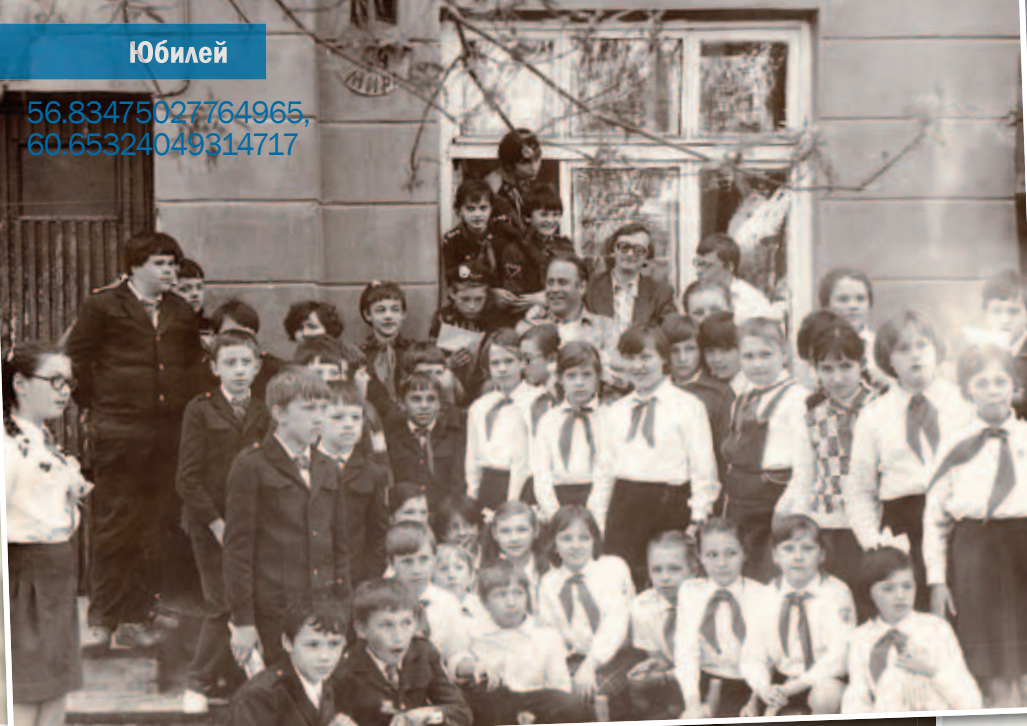
Новый дом

Память детства способна удивлять. Она сама выстраивает хронологию событий в определённой последовательности и взаимосвязи. Вспоминается одно событие, а оно тут же цепляет другое. Всплывают имена, даты, смешные истории, звуки, шумы, картины, запахи...

С осени 1980 года каравелльцы обрели новый дом. Конечно, это случилось не по мановению волшебной палочки, а по воле вполне конкретных людей, которые работали на 79-м заводе и узнали через родственников и знакомых о пустующем Красном уголке по адресу Мира, 44. Здесь руководство завода давно, но безуспешно пыталось наладить хоть какую-то работу с детьми по месту жительства в трёх комнатах, которые относились к клубу

«Космос». Новое помещение искали почти два года. Идею забрать под отряд эти комнаты подал Сергей Новосёлов. Да-да, тот самый, выросший из первых каравелльцев и знаменосцев. Его поддержал Игорь Тимофеев, в те годы один из активных инструкторов отряда. Побывав на месте, осмотревшись и прикинув, как они говорили, начальные шаги и дальнейшую дислокацию, они поехали к командору.

Но командор сначала не разделял всеобщего энтузиазма. В начале 80-х, двадцать лет преодолевая вместе с отрядом рифы и мели, он уже давно не горел запалом пионерского вожака периода начала 60-х. Честно говоря, он подустал от всех этих бесконечных битв и сражений. Жизнь «Каравеллы» того времени, даже при отсутствии своего помещения, была вполне организована и регламентирована. Построенные яхты-мушкетёры хранили в просторном сарае вместе с имуществом на закрытой охраняемой территории на берегу озера Флюс. В этом помогла руководитель отряда «Алый Парус» из Первоуральска — Марина Кудряшова. Будущее было зыбко и туманно, что вполне устраивало командора. Его разрывало от тем, сюжетов и замыслов. Он хотел писать книги, а «Каравеллу» свернуть как вполне

56.83475027764965,
60.65324049314717

законченный проект. Первые выросшие каравелльцы ушли учиться, работать, создавать свои семьи. Они более не нуждались в старшем наставнике. Но командор не учёл одного. За пятнадцать лет существования на Уктусе, регулярно рассказывая в публикациях о своей интересной жизни, «Каравелла» изменила реальность. По всей необъятной стране, зачитываясь книгами Крапивина и публикациями каравелльцев, люди стали создавать подобные отряды. «Корабль вести необходимо...». Так что снова уговорили, настояли, потребовали. И он не смог устоять против большинства. Но благодаря этому возвращению произошел выход на другой уровень развития. Появилось много всего нового.

Дом был красивым, светлым, наполненный воздухом, с высокими потолками и большими окнами. После полуподвалов он, конечно, смотрелся дворцом. Самое первое устойчивое воспоминание — парты в большом пространстве муравейника, рисунки планет за спиной

у командора, который рассказывает всем сразу азы морского дела, и запахи масляной краски от стены, где художник Евгений Пинаев создает своё бессмертное настенное творение. Картину, вместившую в себя бушующий океан, быстроходный парусник, каравеллу-мечты, белый город у моря, айсберги и маяк, а на берегу на причале мальчишкучарабанщика и моряка.

Переезд в помещение прошёл спокойно, четко и организованно. Сначала его делили с какой-то жилконторой. Но спустя несколько месяцев, после внезапных рейдов «народной дружины» комитета ВЛКСМ завода Электроавтоматики, из помещения окончательно выгнали откровенных алкоголиков и тунеядцев. И вот тогда воцарился для каравелльцев настоящий рай на Земле. Каждая комната в помещении получило своё название в соответствии со своей принадлежностью и уникальным содержанием. Появились «штурманский класс», «каюткомпания», «морской класс», «знамённая», «оружейная», «фотолабо-

ратория». Да, именно фотолаборатория, а не в ванной у Славы дома теперь проявляли все пленки и печатали фотографии. Даже проходную комнату, которая раньше была выходом на сцену, приспособили под стол с верстаком и инструментальными шкафами. Там разместилась мастерская, которая вообще раньше никогда не имела никаких помещений в отрядных пространствах, чаще всего временно занимая какой-нибудь сарай. Фотографии стал снимать и печатать студент отделения астрономии УрГУ Володя Колесников. Как-то всё сразу и очень хорошо устроилось.

В кают-компаниях был свой телефон. Его номер запоминался быстро и сразу. Все знали его наизусть, потому что, в какой бы точке города ты ни находился, если опаздывал по какой-то уважительной причине на занятия, то обязательно должен был добежать до ближайшей будки телефона-автомата и за 2 копейки, позвонив по заветному номеру 44-10-50, сообщить вахтенному о своей причине опоздания на по-

строение. Когда нынешние каравелльцы спрашивают у меня с удивлением: «И что, так трудно было найти эти будки?». Всегда с улыбкой отвечаю: «Будки стояли на местах, а вот телефоны работали, к сожалению, не во всех. Но то, что спустя сорок с лишним лет я помню этот номер, меня всегда радует».

Отряд ожил, задышал, встрепенулся. И как результат — сразу пошёл приток новых ребят. Значительную часть, конечно, вызвали из резерва барабанщиков, знаменосцев и командиров. Они пришли изначально кто-то ещё на Уктусе, остальные уже на Добролюбова, но успели постичь азы отрядных отношений, требования организации занятий, формы и дисциплины. Количественный состав разрастался. Записалась большая группа ребят младшего возраста. Мест не хватало не только в экипажах, но и на роли в новом фильме «Жили-были барабанщики». Тогда было решено сначала для фильма, а дальше и для жизни изготовить сразу большую партию новых барабанов. Их сдела-

ли пятнадцать. Покрасили в чёрный цвет морской формы. А чтобы совсем не смущать народ доминантой тёмного, на боку нарисовали синего краба, как символ мечты и дальних морей. В это незабываемое десятилетие в «Каравелле» сняли ещё много хороших детских фильмов: «Вождь Краснокожих», «Мальчишки из картонного города», «Одиссея капитана Саньки», «Три мушкетёра, или 20 лет спустя», «Манекен Васька».

Эра «штурманов»

В те года сделали не только барабаны. Именно в начале 80-х Крапивин изобрёл «штурман». Вроде бы он ничего особо не придумал. Взял типовой проект постройки швертбота типа «кадет», увеличил все размеры и пропорции, расчертил на миллиметровке детали, соединил всё в единое целое и заострил носовую часть. А вот дальше... дальше началось самое интересное. Когда увеличенные лекала деталей обрели очертания шпангоутов, киля, стрингеров, то появилась уникальная лодка, аналогов которой ещё не было

в стране. Просчитанная грузоподъёмность плюс незатопляемые отсеки дали возможность обеспечить хороший запас плавучести и сразу выводить для обучения на воду разновозрастный экипаж, объединяющий от трёх до пяти человек подростков. С внедрением затягивать не стали и первый пробный корпус со всем полагаемым яхтенным имуществом построили всего за месяц. Его спустили на воду в августе 1981 года.

Создатель предложил назвать проект «штурман», а первый пробный экземпляр получил имя «Экватор». Дальше, как это часто бывает у детей, новая лодка понравилась. Теперь походить на таких яхтах захотелось многим. Все мечтали о гонках, будоражащем кровь драйве крена и больших массовых соревнованиях. К тому времени новое помещение уже обжили. И с осени того же года запустили масштабное строительство сразу восьми штурманов.

Вспоминаю эту зиму как бесконечные уроки труда с утра до вечера в отрядные дни. Все были распре-

делены на бригады, каждая из которых, закрепленная за определенной лодкой, приходила к определенной времени и, сменяя друг друга, строгала, клеила, шпаклевала, шкурела, красила... В общем, усиленно работала. Вместе с нами старшие наставники — сам командор. Остальные не на много старше нас — Сергей Новосёлов (Шкипер), его супруга Людмила, Борис Грехов, Борин младший брат Андрей, которого все звали Джон, Игорь Тимофеев (Борода), Александр Больных, который больше пропадал в пресс-центре, уже упомянутый Вася Джулай (гитарист). Чуть позже пришла ещё Наташа Смарцелова, благодаря которой шились костюмы для фильмов, нашивки и погоны для формы.

На строительстве мне лично больше всего нравилось работать рубанком на мачтах, но нас, девочек, чаще всего отправляли в команду к Ане Мясниковой — шить паруса, что тоже было весьма интересно и увлекательно. В результате 19 мая 1982 года — в День пионерии — все 9 штурманов новой флотилии выш-

ли на воду в сильнейший весенний шквалистый ветер. На необкатанных лодках с необученными экипажами, конечно, все сразу начали клясться, но и здесь командор Владислав Крапивин, обеспечив наше спасение, показывал всем хороший вдохновляющий пример самоорганизации и дисциплины. Когда «штурманы» на хорошем ветре летели всей флотилией по водохранилищу, они напоминали белую крылатую стаю.

Золотое десятилетие Крапивина

В 80-е годы XX века имя Владислава Крапивина гремело по стране. Книги писателя было не достать. При тиражах в 100 000 экземпляров их мгновенно сметали с полок магазинов. Знаю, что многих спасали только общесоюзные журналы, такие как «Пионер» с его мил-

www.uralstalker.com

лионным тиражом, или региональные: «Уральский следопыт», «Урал», где произведения выходили сразу со стола автора ещё в рукописях.

Говорят, что детство не выбирают, но про ребят моей эпохи точно могу сказать, что всем нам здорово повезло и жаловаться на судьбу не стоит. Так уж сложилось, что мы попали в отряд в период золотого десятилетия Крапивина, где книги регулярно дарились автором каждому каравельцу с уникальным автографом. Он изменился. Возмужал. Держался уверенно и спокойно. Телефон в отряде разрывался от звонков издателей, редакторов, коллег по писательской организации, читателей и библиотекарей. Именно в эти годы из-под его пера выходят фундаментальные, я считаю, одни из самых лучших, его пове-

стей и романов: «Дети синего фламинго», «Колыбельная для брата», «Трое с площади Карронад», «Возвращение клиппера «Кречеть», «Голубятня на жёлтой поляне», «Журавлёнок и молнии», весь цикл повестей в одной книге «Мушкетёр и фея», «Шестая Бастионная», «Летящие сказки», «Тополиная рубашка», трилогия романа «Острова и капитаны». Он не работал, он именно творил, равномерно распределяя свою силу сразу в разных направлениях. *И был еще один феномен – крапивинские отряды.*

Они еще не называли себя так, но возникали по стране как грибы, копируя форму, устав, направления занятий. При этом, где в следующий месяц прорастет грибница, предсказать не мог никто. И всем им тоже был нужен командор. **У**

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

Гора Липовая

Неизведанные тропы собственного «я»

Надежда Глен

Учитель в сельской местности, мама двух прекрасных детей. В душе экстремал и искатель приключений. Второй разряд по альпинизму, третий по скалолазанию, спасательному многоборью, водному и пешему туризму, парашютному спорту. 18-я в списке ФВСП по кросс-кантри.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

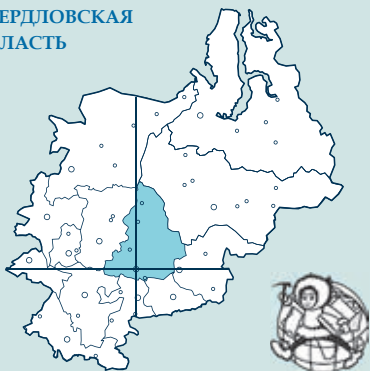

Фото автора

Каждый год по традиции мы с учениками ходим в походы.

Живем в палатках, готовим на костре, купаемся.

На сложном подъеме, когда мышцы начинают трястись от напряжения, а губы хотят лишь одного – прильнуть к прохладному роднику и отправить пару-тройку порций воды в пересохшее горло, когда в голову, как черви, лезут мысли: «Что я тут делаю? Зачем мне это нужно?», именно в эти минуты мы находим что-то новое в себе, открываем неизведанные тропы собственного «я».

А Липовая ли?

Гора Липовая рядом с посёлком Хрустальный и руины – я открыла карту и стала рассматривать местные вершины. Думаю, такое предложение для ребят покажется весьма интересным. Кто в детстве не хотел заглянуть туда, где спрятана тайна?

– Завтра выходим в 9:00. Цель: гора Липовая и руины.

– Эх, ждать целую ночь, я точно сегодня не усну. Может, сегодня пойдём?!

Мне близки такие эмоции детей. Я снова уткнулась в карту, просчитала весь маршрут, добавила передви-

жение на электричке, чтобы сэкономить время, и вот... «Ура!» По расчетам, мы должны успеть на последнюю электричку. Вы бы видели эти эмоции, когда я сказала, что объявляется 30-минутный сбор. Вовсе хватило пары минут, чтоб собрать рюкзак. «Вода, сосиски, хлеба купим в магазине по пути». И в кого он такой шустрый?! Конечно, целую булку нам не съесть, но поводов для переживания нет. Хлеб от зайчика (то есть из леса) всегда был самым вкусным.

Все шло строго по плану. Гора Липовая располагается на остановке Липовая по ходу движения электричек Екатеринбург – Дружинино. И вот еще пару метров... и мы на вершине. Всего 335 метров над уровнем моря, а уже не видно вершин деревьев.

Но где липы? Кругом растет облелиха, и ее ооочень много. Может, это Облелиховая гора? Мы решили, что позже, когда облелиха поспеет, мы вернемся сюда, чтоб набрать немного на варенье. Холодными зимними вечерами будем пить чай с аро-

матной замороженной горчи-
желтой ягодой.

Следующая точка – развалины.
И эта локация интересовала ребят
больше, чем гора. Мы нашли, как
миновать облепленные камерами мосты
(так как мост – это место повышен-
ной опасности, а в целях антитерро-
ристической и иной безопасности они
под особой охраной), и по лесным тро-

пам устремились к нашей загадочной
цели. Мы еще не знали, что впереди
нас ждет разочарование. Проход через
реку оказался закрыт. И попасть туда,
где мы уже нафантазировали разру-
шенные замки Графа Дракулы, невоз-
можно. Конечно, можно перелезть че-
рез забор и потихоньку пробраться,
но есть вариант попасть в зубы добер-
мана или овчарки. А если территорию

патрулирует охранник? Не, лучше мы
найдем другое развлечение. Штраф
или 40 уколов в живот не очень красоч-
ная перспектива.

Обратная дорога погрузилась в дис-
куссию «а если...», поэтому мы добра-
лись очень быстро. Не всегда прикло-
чения завершаются ярким финалом. А,
может, не все загадки должны быть раз-
гаданы? **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Ноябрь 2021

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ЛЕОПОЛЬД ВАЛЛБЕРГ
Сумрачные

50

61 **Координаты чудес**

ДМИТРИЙ ЛОПУХОВ
Случай у Гусиного озера

61

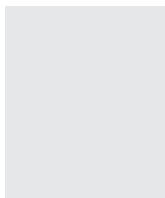
72 **Повод для улыбки**

АЛЕКСАНДРА ХОХЛОВА
ДМИТРИЙ ОРЛОВ
ПСС

72

*«В сумерках просыпается смерть»
(Закон джунглей)*

Сумрачные

Леопольд Валлберг

* * *

— Я исхожу из того, что это ваши снимки. Вы их видели своими глазами?

Вместо ответа я протянул своему собеседнику очередную фотографию. Соглашусь, её качество оставляло желать лучшего, но погодные условия и освещение в тот момент тоже нельзя было назвать идеальными. Внимательно изучив то, что можно было разглядеть на затемнённой фотобумаге, мужчина посмотрел мне в лицо. Глаза за толстой оправой очков испытующе прищурились. Да, это был взгляд настоящего учёного, в этом я теперь не сомневался — как и он не сомневался в том, что я действительно побывал в том аду.

Самир — так я условно назову его, — мягко улыбнулся и откинулся на спинку скамьи, позволив себе немного расслабиться. По всему, обоюдную ознакомительную проверку мы сдали на «хорошо».

— И много вы заплатили за них местным авторитетам? — спросил он, легонечко махнув стопкой фотографий.

— В Варанаси* я заплатил намного больше, — уклончиво ответил я.

Смуглое лицо Самира с выраженными индийскими чертами медленно расплылось в уважительной улыбке. В этот момент он понял, что у нас много общего. Нами двигал не только профессиональный интерес в том, чем мы занимались, но и азарт. Если можно так сказать, мы оба были исследователями.

— И там вы тоже искали? — спросил Самир.

— Нет, тогда я ещё ничего не знал о них.

— Итак, что вам до сих пор удалось выведать?

Очевидно, не только меня интересовали новости о загадочных существах, которых мне удалось поймать в кадр.

— «Сумрачные» — так их называют в народе. Они ведут скрытный, ночной образ жизни и появляются всегда только в сумерках, отсюда и название.

Полистав блокнотик, я зачитал вслух все варианты на исходных языках, которые слышал. Их оказалось немного, если не считать разного произношения одинаковых выражений в силу местных наречий. Самир внимательно слушал, иногда кивая головой и тихонько повторяя некоторые слова, словно смакуя их.

— Размер тела — с большую собаку, но оно у них немного длиннее и приземистее, с довольно длинным хвостом. Ходят на четырёх лапах, в своих повадках чем-то похожи на ящериц. При появлении опасности замирают, стараясь слиться с окружающим рельефом — между валунами, за стволами деревьев или перед стенами. Не выносят яркого света. Если на них навести фонарь, то сразу стремятся скрыться в воде. Бегают немного неуклюже, но зато превосходно плавают и ныряют. Всеядные — питаются как растительностью, так и рыбой, не брезгают также крупными насекомыми и мелкими животными: крысами, земноводными. Я показывал фотографии знакомым биологам, они затруднялись однозначно отнести их к какому-то классу животных.

Я закрыл блокнот, положив его рядом. Он мне ещё пригодится. Диктофоном я не пользуюсь, вместо этого по старо-доброй традиции строчу стенографические записи.

— Что вам о них известно? Кто они? — спросил я прямо.

— Реликты. Это всё, что я могу на этот счёт точно сказать.

Самир заметно медлил. Как мне показалось, он всё ещё осторожничал. Я решил немного надавить на него.

— Вы же вывезли труп на изучение! Мне трудно верится, что вы не знаете большего. Или с вас взяли расписку о неразглашении информации?

Он махнул рукой и усмехнулся.

— Какое там... Двадцать, тридцать лет назад меня могли бы принудить к такому. И на моём месте сейчас мог оказаться шпион из вашей же страны, которому было бы очень интересно выяснить, достаточно ли вы знаете для того, чтобы упрятать вас в психушку. А сегодня...

Самир бегло осмотрелся по сторонам, демонстративно обведя вокруг рукой и пожав плечами. Действительно, городской парк не выглядел осаждённым зарубежными агентами и местными полицейскими. По широким дорожкам прогуливались обычные люди, которым было куда интересней делать на смартфонах фотографии себя на фоне лужаек и деревьев, чем подслушивать разговоры сидящих на скамьях.

— Вы лучше моего знаете, как сегодня обращаются с неудобной информацией. Власти пользуются теперь другими методами, которые избавляют их от необходимости затыкать рты. Если раньше их головной болью были издательства, которые всегда не прочь опубликовать секретные материалы на бумаге, то теперь они полностью перестали их бояться. Достаточно влить в сеть очередной шквал «фейковых новостей» и любая достоверная информация уйдёт на дно. Интеллектуальные интересы современного человека несут исключительно мимолётный характер, и в выборе информации наши вкусы сегодня намного хуже, чем в выборе еды. Быстро проглотить и забыть.

— Информационная наркомания, — обобщил я, понимая, что он имеет в виду.

— Можно и так это назвать. Поэтому я могу вообще не переживать за то, что вы от меня услышите. Моя проблема в другом.

— В чём же?

Самир нервно побарабанил пальцами по скамье и тяжело вздохнул.

— У меня нет возможности вести в этой области исследования. Руководство университета не видит никакой необходимости — и не приветствует расходование бюджетных денег на проекты весьма сомнительного характера.

— Сомнительного?!

Я чуть не расхохотался, настолько был поражен. Здесь на лицо чья-то некомпетентность.

— Да. Скажите честно, университеты в вашей стране могут похвастать хорошей организацией на кафедрах и дисциплиной учащихся?

Такого вопроса я не ожидал.

— Вы же тоже были студентом, причём не так уж давно, — добавил он. Проседь в черных приглаженных волосах беззастенчиво выдавала его возраст, но он ему шёл как нельзя лучше.

— Ну, если честно, то нет. Студенты — народ молодой...

Я замялся, подбирая слова, чтобы совсем не очернить репутацию этой части общества. Самир добродушно засмеялся.

— Вот-вот! Это и есть моя проблема. Не успел я толком исследовать труп, как он исчез. Кто и что с ним сделал, я так не дознался даже от тех, кому доверял немножко больше, чем другим. Мне сейчас остаётся только строить разные нелепые догадки. За неимением другой возможности я поместил его в подвале университета, где хранились и другие экс-

понаты. Туда не так уж трудно проникнуть, главное иметь убедительный повод, чтобы получить ключ под расписку. Так что, в принципе, это мог быть кто угодно, включая охранников и уборщиков. Увидели мёртвое исчадие ада, ужаснулись, ночью вывезли. Может быть, не смогли стерпеть такого осквернения храма знаний и сожгли или бросили в реку. Может быть, решили показать в компании на спор, а когда шумно отпраздновали и утром пришли в себя, не смогли вспомнить, где вчера бросили.

Да, тут было множество вариантов. Посмеявшись над очередной порцией людской беспечности, я потёр руками лицо. Хотя на самом деле это было совсем невесело. Сумрачные крайне неохотно шли на контакт с людьми, да и кто из людей в здравом уме захочет в ночной темноте знакомиться с существами, которые в лучшем случае вызывали чувство отвращения? А без вещественных доказательств, исключительно на основе каких-то бредовых фантазий, никакой из учёных не будет рисковать своим местом и репутацией.

Глупо как-то получалось. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы вообще найти Самира, а теперь выходило так, что те парни, которые заправляли делами на свалке и будто невзначай упомянули вскользь «какого-то типа, который увёз тушу дохлой твари кое-куда», могли мне рассказать о самих существах намного больше — знай только, помахивай небрежно зелёными перед носом.

— Где это было? Где вы сделали эти снимки? — спросил Самир, ещё раз задумчиво перебрав фотографии.

Смотреть на лица людей, запечатлённых на фоне мусорных завалов, было тяжело. Давно, лет двести назад, на этих местах были джунгли, но теперь об этом напоминают только редкие деревья, чудом

выжившие, а потомки лесных племён коротают свой век на огромной свалке. Эти места можно, по сути, назвать и селениями. В них живут семьями люди, для которых не нашлось в цивилизованном мире места — хотя бы под прохудившейся крышей тростниковой лачуги или под мостом; не нашлось работы — даже плоховатой, за гроши. Для такой степени нищеты я до сих пор не могу найти подходящего слова. Это хуже чем рабство, потому что даже у раба нельзя будет отнять одного: надежду на свободу — если не для себя, то для своих потомков. У этих же людей, даже у детей, на лицах нет ничего, кроме обречённости. Неприкасаемые — это приговор не по судьбе, а по крови, и вовсе неважно, где он вынесен: в Индии или соседних странах.

— Бангладеш, — ответил я.

— Вот как? Так близко! — удивился Самир.

Тут я спохватился. Он ведь наверняка знал ещё меньше, чем я. И если не откровенный интерес, то вообще бы не откликнулся на моё сообщение. Я полистал блокнот в поисках нужной страницы и показал ему начерченную карандашом карту Южной Азии.

— Посмотрите! Везде, где стоят отметки красным кружком, их уже видели. Или, по меньшей мере, слышали, а эта информация иногда достоверней. Мало ли что может нам в темноте показаться, но если этому уже дают имя, значит, оно существует. Вы заметили — смысловая нагрузка прозвищ очень схожая?

Самир с интересом смотрел на карту, кивая мне в ответ. Откинувшись назад, он опять задумчиво прищурился.

— Занятно, очень занятно, — пробормотал он.

И вдруг, словно решившись на откровение, подался вперёд с лукавой улыбкой: — Вы не думайте, что труп пропал совершенно бесследно! Кое-какие куски

от него остались на месте. Крохи, конечно, по сравнению со всем телом, но достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

В молодости Самир, несомненно, умел неплохо резаться в азартные игры, в этом я не сомневался. Так умело разыгрывать козырные карты нужно уметь.

Изобразив восторг на лице, я открыл чистую страницу и полный радостного ожидания приготовился слушать и записывать.

— Это морские животные, млекопитающие, — начал он неторопливо, и за каждым следующим словом мне приходилось всё больше удивляться, выводя свои закорючки. — Они относятся к отряду парнокопытных. Китопарнокопытных.

На этом слове я остановился. Самир умело выдерживал паузы для осмысления сказанного. Краем глаза я успел заметить, что он с одобрением следит за тем, как я старательно строчу свои записи.

— Вы удивлены, не так ли? — улыбнулся он. — Вы помните общую диаграмму эволюции жизни на Земле? Ту самую, согласно которой жизнь на суше появилась из рыб и земноводных? Она, по-моему, в учебниках всех стран одинаковая.

Конечно же, кому не пришлось это учить! Эта знаменитая картинка кочевала каждый год из одного учебника в следующий. Я усмехнулся, покивав головой.

— Вот эта картинка и являет собой наше основное знание в области океанологии. Миллиарды, — Самир растянул по слогам это слово: — мил-ли-ар-ды долларов ежегодно вбухивается в космические программы. Над нами в небе сейчас летает больше тысячи разведывательных спутников. Как вы думаете, сколько денег выделяется на изучение океанов, и сколько исследовательских кораблей и станций мы имеем?

Я пожал плечами.

— И я не знаю, — продолжил он. — За этим никто не следит. В этой сфере ведь нет гонки технологий и связанного с ней престижа стран. Да и что там, на дне морей, открывать? Вода покрывает семьдесят процентов поверхности нашей планеты, но ей интересуются только ради добычи рыбы, нефти, газа, поиска затонувших сокровищ и места для военно-морских амбиций.

— Так что у нас было с китообразными? — мягко вернул я Самира в прежнее русло разговора.

— Можно сказать, что мы ничего не знаем об их эволюции, кроме того, что они произошли от парнокопытных. Две-три находки — это всё, что немного раскрашивает серую картину, согласно которой у китов, кашалотов, бегемотов и дельфинов один общий предок. Он их и роднит с остальными парнокопытными, живущими на суше.

— С травоядными, выходит? — переспросил я.

Самир расплылся в улыбке, очевидно, поймав меня на оплошности.

— И с плотоядными, — дополнил он. — Среди вымерших парнокопытных были и хищники. Самый крупный из них был почти в два раза выше белого медведя. Так что кровожадный монстр с головой козла и копытами мог вполне реально существовать задолго до того, как его нарисовали в образе Сатаны. Шутки в сторону. Я хочу сейчас обратить ваше внимание на один вид — пакицета. Он был размером с крупную собаку, имел длинный хвост, был всеядным... Описывая сумрачных, вы достаточно точно обрисовали пакицетов — их древних предков. Позвольте указать мне на большую ошибку, которую вы сделали, спрашивая других знатоков: вы не показали им снимки отпечатков ног.

Здесь меня озарило. Об этой детали я совершенно не задумывался. Ни разу я не обратил внимания

на следы, которые сумрачные оставляли за собой. Я даже не мог сказать, на что они были похожи.

— Для вас это прощительно, вы ведь совершенно из другой области. Вам следы не бросились в глаза потому, что они представляют собой довольно непримечательные круглые отпечатки. Их копыта со временем немного видоизменились, чтобы было легче плавать и ходить по топкому грунту. Они стали шире и между ними выросла перепонка. Тем не менее, я хочу сделать комплимент вашей наблюдательности. Сами того не зная, вы не только нашли прямые сходства сумрачных с пакицетами, но и их некоторые отличия — например, движения и боязнь света. Но это легко объяснить, ведь они — ночные хищники, которые охотятся больше в воде. На суше они не настолько проворны и предпочитают избегать прямых конфликтов с конкурентами. Как и пакицеты, сумрачные живут вблизи водоёмов. Все отмеченные места на вашей замечательной карте находятся в непосредственной близости или морских берегов, или крупных рек. Я уверен — они прячутся днём в своих прибрежных логовах, а с наступлением темноты идут на промысел. Поэтому их долгие годы никто не замечал.

Самир превосходно умел недоговаривать так, чтобы вопрос возникал сам собой. Именно это отличает хороших преподавателей от плохих.

— Годы? С этим я могу согласиться. Десятилетия — с трудом. Но столетия! Если, как вы утверждаете, они существуют уже тысячелетиями, как можно было их не заметить?

— А как же мифические образы морских чудовищ? И разные сообщения о рыбаках, которые вытаскивали из сетей жутких монстров?

Я скептически сморщил лицо. Самира несколько не огорчали мои возражения. Напротив, он будто их

только и ждал. Посмеявшись над своим неудачным блефом, он попробовал другой подход.

— Вы были когда-нибудь на рыбном рынке?

Конечно, был. Всё-таки я журналист, а не турист, и когда прибываю в какую-то страну, то всегда интересуюсь больше тем, как живёт простой народ, чем достопримечательностями.

— Да, в Шанхае.

Самир понятиливо покивал, и я догадался, что он имел в виду. Такое разнообразие морских животных, обречённых на скорое съедение, не в состоянии вообразить себе ни один европеец. То, что можно купить ещё живым на рыбном рынке в Азии, большинство людей не видели даже на картинках. И порой не знали, что это вообще можно есть.

— Вы знаете, что там за ширмами можно купить и представителей видов, ловля которых официально запрещена? При условии, конечно, что вы знаете, кому нужно сказать волшебные слова. Я думаю, что кое-кто уже имел неудовольствие лицемерить сумрачных на своей палубе. Как иначе в народе могло укрепиться их прозвище? Для этого недостаточно одного-двух рыбаков, которые бы, ужаснувшись своему улову, поскорее выбросили его назад в море. Люди должны видеть, чтобы принять что-то за реальность.

Лучший способ кого-то убедить — это умело использовать аргументы оппонента. Самир только что повторил мою фразу своими словами.

— Станным образом в народе к сумрачным относятся с уважением, даже с некоторым почитанием — и это не смотря на их отталкивающий вид. Я меня есть связи с китайскими коллегами, и от них я слышал, что монахи на юге называют сумрачных «младшим братом дракона». Кстати, слово «кит» произошло от греческого слова, которое означало «морское чудовище», а под это определение попадало мно-

го морских животных. Если вас действительно интересует происхождение сумрачных, то я могу предложить вам свою версию, а там уж сами рассуждайте. Возможно, у вас есть и другая...

Я отрицательно покачал головой. Всё, что я до сих пор слышал, можно было отнести к разряду слухов и пустых домыслов, которые не выдерживали даже малой доли здоровой критики.

— Итак! — Самир выдержал короткую паузу. — Когда мы говорим о вымирании динозавров, мы автоматически думаем об астероиде, но забываем о том, что в юрском периоде произошёл раскол суперконтинента Пангея. Мы с вами сейчас сидим на Индийской плите, которая тогда откололась вместе с Мадагаскаром от южного континента, Гондваны. Останки древнего пакицета были найдены недалеко отсюда, в Пакистане. Это значит, что они здесь однозначно обитали. Отдельные подвиды, должно быть, эволюционировали в китов, дельфинов и прочее подобное. Но один вид мог выжить без существенных физиологических изменений на одном из островов Малайского архипелага. Это регион с очень богатой фауной, густыми лесами и заболоченными местами, а также тёплым климатом без температурных переходов от зимы к лету. Идеальные условия для древнего всеядного хищника, который неплохо умеет плавать. Оттуда они эмигрировали на близлежащий материк и теперь распространяются вдоль берегов Южной Азии. Моё удивление было больше вызвано тем, что я не ожидал такой скорости распространения.

— А как же ваша пропавшая находка?

— Это был полуистлевший труп, которого или принесло течение к нашим берегам, или завезли вместе с мусором из Китая. Вероятно, вы уже слышали, что там перестали закупать пластиковые отходы для переработки, и все прибывающие с Европы и Амери-

ки контейнеры перегружаются и отправляются назад или к более сговорчивым соседям.

Это звучало логично. Никакая страна не захочет брать назад свои плохо отсортированные отходы. Легче и дешевле утопить их в океане или сбить тому, кто сделает это грязное дело за них.

Я обдумывал краткую версию происхождения сумрачных. Мне она казалась не очень убедительной. Это больше походило на позаимствованный миф о затерянном мире. Конечно, в Малайском архипелаге найдутся сотни необитаемых островов, где теоретически мог выжить древний вид. Но эти острова имеют вулканическое происхождение и у большинства из них, соответственно, высокие и крутые берега, взбираться по которым не под силу неповоротливым животным. Хотя сумрачные могли жить и на более крупных островах без того, чтобы человек сталкивался с ними. Активное освоение архипелага началось лишь несколько десятков лет назад с приходом аграрной промышленности, до этого здесь из людей обитали только местные аборигены.

И всё же миллионы лет изоляции на островах архипелага, где нередко бушуют ураганы и извергаются активные вулканы, для небольшой популяции животных были очень уж ненадёжным местом проживания.

— Как вы относитесь к религиям? — спросил Самир, выслушав мои сомнения.

— Нейтрально, — ответил я, успев свыкнуться с тем, что он любил подходить к теме с совершенно неожиданной стороны.

— Но вы не оспариваете версию про всемирный потоп? Этот сюжет, кстати, встречается в разных религиях. Любая вера интенсивно обыгрывает свою версию апокалипсиса — если не наводнения, то какого-то другого рода. Это, наверно, единствен-

ная тропка, где наука и религия будут дружно идти нога в ногу. Даже если не вдаваться в мифологию, то нельзя будет опровергнуть тот факт, что на нашей планете уже несколько раз наступали кардинальные изменения, по вине которых вымирало почти всё живое. Но какой-то процент всегда выживал и начинал новый ход эволюции. Даже динозавры вымерли не все и не сразу, за пару лет, как многие из нас думают. Их уход с зелёной сцены лесов и полей длился тысячелетиями. Кое-какие виды сумели даже приспособиться лучше других. Крокодилы выжили.

— Потому что ушли в моря — на это вы намекаете? Самир неопределённо покачал головой.

— Все спасаются, как могут. Какие из возможностей у нас, самых высокоразвитых существ на планете, сейчас реально есть, чтобы пережить глобальную катастрофу? Не важно, какую. Недостатка в вариантах ведь нет.

Да, где же наши долгожданные космолёты с ионными двигателями, перевалочные станции на Луне и планетарные города на Марсе? И достаточно надёжны ли подземные бункеры, чтобы горстка людей могла там пережить хотя бы сто лет? Это опять же сильно зависит от рода катастрофы...

— Религиозные предания следует в первую очередь рассматривать как нашу коллективную память о событиях, происшедших в доисторическое время, — продолжил Самир, не дождавшись разумного ответа на свой вопрос. — На свете много видов животных, которые до прихода человека успешно прожили не одно тысячелетие в естественной изоляции на островах. Где-то и сумрачные должны были найти себе прибежище. Вы не забывайте к тому же, что мы живём с ними в двух совершенно разных мирах. Мы на суше, они в море. Мы днём, они ночью. А крокодилов я упомянул к слову, потому что они служат хоро-

шим примером того, когда определённый вид не деградирует, а продолжает эволюцию в обратном направлении. По всем признакам это теплокровные животные и их предки жили на суше, но в какое-то время климатические условия заставили их приспособиться к жизни в воде. Они обладают четырёхкамерным сердцем — как и млекопитающие, но когда перемещаются в зону низкого давления, то есть под воду, на глубину не ниже десяти метров, оно начинает работать в режиме трёхкамерного — как у амфибий и рептилий. Таковой особенности нет больше ни у одного вида животных. А то, что мы называем крокодиловыми слезами, не что иное, как выделение излишней соли в организме через специальные железы. Как видите, они отлично приспособились к существованию в солёной среде. Предки китов тоже неспроста ушли жить под воду. Если хотите знать моё личное мнение, то в случае очередного апокалипсиса больше всего шансов на выживание будет у тех животных, которые уже имеют унаследованный опыт выживания при крайне неблагоприятных условиях.

— Вы намекаете на сумрачных?

Самир улыбнулся.

— У вас очень острый ум, — заметил он. — Мне это нравится в людях. Подумайте сами: эволюция ведь продолжается, с появлением современного человека на земле она не остановилась, и изменения будут, хотим мы этого или нет. Вероятно, они уже идут полным ходом, а мы просто не желаем это воспринимать всерьёз?

— Климат меняется. Мы имеем дело с глобальным потеплением.

— Меняется, — подтвердил он и начал перечислять, загибая пальцы: — Леса горят и вырубаются рекордными темпами. И не только в тропиках, но и у вас, в Сибири. Льды в Арктике исчезают

не по дням, а по часам. Вечномерзлый грунт в тундре тает и из него выделяется больше углекислого газа, чем выхлопов от автомобилей — которых тоже становится не меньше, а ещё больше. Когда-то температура воды в океанах достигнет той отметки, когда поднимутся с глубин древние залежи метана. Но! Это не самое главное...

Самир поднял палец и, выдержав краткую паузу, направил его в сторону. Он показывал на мусорное ведро неподалёку.

— Вот! Это наша беда.

— Мусор?

— Да, а точнее — микропластик. Им сегодня пропитаны все моря, он разносится вместе с мелким песком и пылью ветром по суше. Это — а не что-то другое — эпидемия двадцать первого века**.

Проблема загрязнения морей и океанов везде становилась горячей темой для дебатов. Наверное, каждому уже доводилось видеть кадры, где степень загрязнения природы достигала метки «помойка». Необитаемые острова в океанах, полностью заваленные мусором, который постоянно приносят волны со всех сторон света. Выброшенные на берег киты с нутром, забитым пластиком. Усыпанное мёртвыми птенцами побережье, которым родители вместо рыбы в просящие еды клювы засовывали выловленный в море мусор. Красочные подводные миры кораллов остались живыми только на компьютерных заставках, а прибрежные области морей уже давно превратились в мёртвые зоны. После охоты на сумрачных, которая загоняла меня в самые грязные места, вроде той свалки на фотографиях, мне не нужно было объяснять масштаб этого бедствия.

— Посмотрите на этих людей вокруг! — Самир кивнул в сторону. — Знаете, что меня удивляет больше всего в них? Когда они пойдут после этой прогулки есть, то они забеспокоятся о содержании пестицидов в рас-

тительной пище. Если будут есть мясо, беспокоятся о том, как выращивалось это животное, сколько антибиотиков и стимулирующих веществ оно получало. Но если будут есть рыбу и морепродукты, то ни на секунду не задумаются, сколько микропластика содержится там. А ведь на этом свете вообще нет больше такого места, где вы можете быть уверены, что вот этот овощ, фрукт или животное не получило свою порцию ядов из пластмассы. Океаны задыхаются — в прямом смысле этого слова. От всего кислорода в атмосфере три четверти вырабатывается планктоном в океанах. Это наши лёгкие планеты, а мы их травим всевозможными грязными, ядовитыми стоками и мусором. Микропластик не только нарушает естественную циркуляцию кислорода и углекислого газа в воде, но и отражает солнечный свет, необходимый для фотосинтеза.

— По-вашему, загрязнение морей заставляет сумрачных искать другие места обитания?

Самир неоднозначно покачал головой. За всё время нашего разговора у меня не проходило ощущение, что он недосказывает что-то важное. Своего козырного туза он всё ещё прятал в рукаве.

— Скорее выманивает.

Я недоумевающе посмотрел на него. Он положил передо мной на скамью фотографии и ткнул пальцем в лежащую сверху.

— Они переваривают пластик.

От изумления я выронил и блокнот, и ручку.

— Я сам в это не мог поначалу поверить! Но когда вы показали мне эти снимки, у меня рассеялись все оставшиеся сомнения. Другие места гнездования сумрачных, которые вы нашли, я так полагаю, тоже можно назвать зонами экологического бедствия.

— Они питаются... мусором? Погодите, мы говорили о том, что это реликты! Как они могли тысячами выживать — до того, как человек изобрёл пластмассу?

— Я не сказал, что они питаются мусором. Давайте по порядку. У нас в желудке богатый набор бактерий, которые помогают нам расщеплять и усваивать определённые вещества. У травоядных животных, помимо бактерий, присутствуют также и грибки. Пакидет, предок сумрачных, относится к семейству парнокопытных, то есть, является очень близким родственником травоядных животных. Этот момент мы с вами уже обсудили. Грибы — это очень интересное царство, которое сильно недооценивается наукой. Споры плесневых грибов можно найти, наравне с бактериями, абсолютно везде. Некоторые виды мы научились использовать, например, чтобы производить пенициллин и лимонную кислоту. Некоторые мы даже с охотой едим — на сырах. И на этом месте отдадим должное дрожжам. Но есть ещё другие, редкие виды плесневых грибов, которые способны расщеплять пластмассу***. Каким образом они это делают, никто пока не выяснил, но исследования уже ведутся. Жаль только, что ими не интересуются в должной мере ввиду нарастающей проблемы с мусором. Сумрачные смогли вступить в симбиоз с плесневыми грибами, которые и помогают им усваивать некоторую порцию пластика. Но когда они получили это свойство, на каком этапе эволюции...

Самир пожал плечами.

— Я бы сказал, не так уж давно. Человек ведь относительно недавно начал производить пластмассу.

— Это не играет роли, — возразил он. — Упомянутые грибки не специализируются на пластмассе, а всего лишь имеют способность её расщеплять при благоприятных для этого условиях. Тем более не забывайте, из чего её делают — из нефти. А когда она появилась на земле? Возможно, сумрачным уже в те далёкие времена достался не самый чистый уголок земли. Приобретённая способность переваривать полимеры из нефти пришлась им очень кстати. Это единствен-

ные животные, которые без труда переживут даже длительное нефтяное загрязнение. Природа никогда не отдыхает, она постоянно экспериментирует. Понимаете теперь, кто они на самом деле? Это — кардинально новый ход эволюции. Когда на нашей планете начнёт не хватать кислорода, вместе с нами задохнётся большинство видов животных. Этот катастрофический сценарий может развиваться очень скоротечно. На земле уже было такое состояние, когда в атмосфере заканчивался кислород. Очень давно, но всё же. При критическом уровне углекислого газа растения впадают в шок, который мы испытываем при гипероксии****. А этот уровень однозначно поднимется сперва в океанах вследствие их закисления. В таких условиях шансы на выживание будут иметь только те животные, дыхание которых регулируется не уровнем углекислого газа в крови, а содержанием кислорода. Это, в основном, морские животные. И ещё те, которые могут впасть в анабиоз или спячку. Крокодилы, кстати, тоже могут впасть в спячку при засухах. Вы это знали? Насчёт них я, может быть, не уверен на сто процентов, но что касается сумрачных, то здесь у меня нет абсолютно никаких сомнений. Им достанется мир, полный мусора, чахнувших растений и падали.

Ещё бы! Имея такую систему пищеварения, как у медведей, которая справляется с любой едой, и даже с пластиком...

— Для меня самой большой загадкой остаётся их обмен веществ, а именно — какой у них механизм нейтрализации микотоксинов, которые обычно вырывают из организма, а ещё и используют себе во благо, как иммуноактивный антибиотик? Взять, к примеру, вездесущий патулин или цитринин... Им ведь тогда не страшны никакие болезни! Таким здоровьем могут похвастать разве только грифы. Но без исследова-

ний над живыми экземплярами бесполезно себе что-то вообразить.

* * *

Расставшись с Самиром, я отрешённо брёл по вечернему городу, размышляя над нерадужными перспективами будущего планеты. Миновав шумные улицы, я оказался на набережной. Высотные глянцевые здания быстро сменились грязными многоэтажками. От реки тянуло влагой и вонью канализации. В наступающей темноте слышались шелест волн и шуршание трущихся о камень пластиковых пакетиков — в порту неподалёку прибыл и стоял на разгрузке очередной контейнеровоз с другого конца света с тоннами «вторичного сырья», большая часть которого будет глубокой ночью брошена в море.

«Земля всё стерпит», — так ведь мы думаем, когда сознательно наносим вред природе. А если не стерпит? Что ж, тогда наше общество будет искать виновных и тыкать пальцами: бедные в богатых, рабочие в политиков, потребители в промышленников, и наоборот, охотно используя циничные и ругательные эпитеты. Так у нас между собой принято, когда нужно решать сложные проблемы, которые затрагивают всех. А проблема тем временем продолжает усугубляться. Можно подумать, что перед лицом глобальной природной катастрофы будет иметь какое-то значение, кто из нас беднее или богаче одет!

Парадоксально, но наша цивилизация создаёт на планете самые неблагоприятные условия для себя и самые благоприятные для сумрачных. Мы вскармливаем гигантских крыс. Что будет, когда их станет слишком много? Когда они приспособятся под более холодный климат и начнут распространяться вдоль рек в северные регионы? И когда окажется, что они намного умнее крыс?

Будучи неисправимым оптимистом, можно себе вообразить, что люди займутся приручением сумрачных. Никто, естественно, не будет держать их у себя в сарае, но в роли очистителей особенно грязных мест на земле их вполне можно применить.

Если же смотреть реально на вещи, то следует признать, что есть другой сценарий, более вероятный. Человечество всегда выбирало и будет выбирать личную выгоду вместо затрат на сохранение экологии и восстановление природных ресурсов. Даже сейчас, при понимании проблематики, ни государства, ни промышленность, ни мы с вами не торопимся урезать свой разыгравшийся аппетит сиюминутных потребностей. Куда приятней потратить деньги на очередной каприз, чем на разработку и поддержку экологически чистых технологий. Что там и говорить об изучении каких-то уродливых существ!

Хуже — обязательно найдутся и люди, которые пустят слухи о том, что они воруют и поедают младенцев, да к тому же и переносят болезни. И вообще это мутанты, облучённые радиацией, которая вытекает из затонувших атомных подлодок. Мало ли их на дне морей? Поверив в откровенную ложь, люди очень быстро поменяют своё отношение к сумрачным и начнут повально и безнаказанно истреблять их как паразитов. Никто за них не заступится, ибо из семи миллиардов людей даже десятая часть не будет ничего знать об их существовании, а из этих только жалкая горстка сможет рассказать об удивительных особенностях древних животных. И то, если этих энтузиастов своевременно не упручат за мягкими стенами.

Поздно, слишком поздно мы сожалеем о том зле, которое причинили природе, и то не от всего сердца, а больше наигранно. Ведь разве можно верить в искренность раскаяния на словах, если человек продолжает бездействовать там, где ещё можно что-то исправ-

ить, предотвратить или хотя бы смягчить последствия? Для каждого погибшего по вине людей зверя и уничтоженного гектара леса найдётся приемлемая отговорка, и коллективное бездействие будет достаточным оправданием этому бесчинству. Мало ли животных мы истребили — и продолжаем истреблять, ничуть не жалея, — до полного исчезновения с лица земли? Природную катастрофу под названием «человечество» немногим будет дано пережить.

* * *

В близлежащих переулках во тьме уже всю копошились в мешках мусора крысы. Внезапно краем глаза я заметил силуэт огромной горбатой собаки, прошмыгнувшей от берега к заснувшим домам. Очнувшись от размышлений, я как хищник, заметивший добычу, крадучись последовал в плотную тень бетонных стен. Сколько ночей я просидел в грязи, чтобы получить хотя бы один полуразмытый снимок издалека! А тут вдруг, нежданно-негаданно, такая возможность прямо перед носом — и у меня нет с собой фотоаппарата! Интересно, смогу ли я поймать гадину в эту изорванную сеть и связать? Представляю себе лицо Самира, когда он получит свой живой экземпляр. **✍**

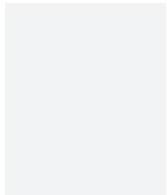
* Варанаси — древний город в Индии, расположенный на берегу реки Ганг, между притоками Варуна и Асси. Существуют и другие названия, например, Беранес, Каши. Согласно легендам индуизма, город является одним из самых древних на земле и поэтому считается священным местом. Его также называют «городом мёртвых» — на берегу Ганга круглосуточно сжигаются тела умерших. Нетрудно представить себе на этом фоне степень загрязнения реки. На территории погребальных ритуалов фотографирование без письменного разрешения властей (или платы контролирующему клану) запрещено и активно пресекается.

** До 2015 года на земле было произведено свыше 8 миллиардов тонн пластмассы. За последние 70 лет производство выросло на 190 процентов и с каждым годом увеличивается в среднем на 8 процентов. В то же время переработке подвергается только 9 процентов, таким образом, более чем 80 процентов пластика оказываются выброшенными в окружающую среду. Микропластик — частицы пластмассы размером не более пяти миллиметров. Значительная доля микропластика, попавшего в мировую океан, выделяется при износе автомобильных шин и стирке одежды, содержащей синтетические волокна. Естественный распад микропластика в природе составляет от 100 до 500 лет.

*** *Aspergillus tubingebis*, *Engyodontium album*, *Phanerochaete chrysosporium*, *Penicillium spp.*

**** Гипероксия — отравление кислородом. Выражается периодическими судорогами и потерей сознания. При гипероксии, в зависимости от тяжести и длительности, развиваются нарушения кровообращения, дыхания и работы нервной системы.

Случай у Гусиного озера

Дмитрий Лопухов

Семёнов уже третий день блуждал по лесам. Ни голода, ни жажды он не испытывал — шёл он вдоль буйного ручейка, вокруг которого в избытке краснела съедобная кислица. Углубившись от ручейка в лесную чащу, можно было отыскать бруснику и шиповник; там сновало много непуганой дичи.

День тому назад, забравшись в горы, Семёнов увидел тянущийся вёрст на сорок чудесный водоём и сразу сообразил, что это оно, долгожданное Гусиное озеро.

Где-то возле восточной его оконечности должна была ютиться маленькая деревенька, о которой он слышал, когда дивизия барона фон Унгерна пополняла запас провизии в Селенгенской степной думе.

Местная доярка с благоговением рассказывала молодому солдатику, что совсем рядышком с Тамчой есть крошечное поселение, буквально пара сотен человек, живут они успешно и богато, иногда на своих условиях торгуют с окрестными сёлами, ни красных, ни белых к себе и на ружейный выстрел не пускают, но знают с сатанинской силой.

Больше всего Семёнова заинтересовала та часть истории, в которой говорилось про красных и белых. Четыре дня тому назад Азиатская дивизия страшно потрепала большевиков — в плен взяли, наверное, человек триста, отобрали орудия, с десятков пулемётов, обоз и винтовок числом под полторы тысячи.

Но прозорливый Семёнов понимал, что это временный триумф — красные, думал он, так просто Верхнеудинск не отдадут и наверняка через несколько дней поведут страшную атаку, в которой и сложит головы вся дивизия барона.

Поэтому, выбрав в победной неразберихе момент, Семёнов взял винтовку и удрал. Забрался сперва, чтоб сбить возможную погоню, вёрст на тридцать в северные леса, потом сделал крюк, опустил обратно и залез в горы.

Оттуда разглядел чудесную гладь Гусинового озера и прикинул примерно, где искать описанную дояркой деревню. С запада и севера озеро укрывали беслесные заболоченные берега, туда идти не было смысла.

А вот у восточного берега побережье было чистым и песчаным, дальше тянулся покрытый соснами хребет, изрезанный узкими долинами. Туда-то и решил держать путь Семёнов.

За два дня и без каких-либо приключений и неожиданных встреч он проделал намеченный путь.

Порой ему попадались странные субурганы и пустующие дуганы, но ни одной человеческой души за это время ему не повстречалось. Где-то далеко на западе воздух будоражили раскаты пылающего боя, но до сюда они долетали такими притихшими, что были не громче птичьего стрекота и комариного жужжания.

Такие стояли покой и умиротворение, что Семёнову даже удалось поймать и зажарить зайчонка — особых усилий к тому прикладывать не пришлось, любопытный ушастик сам вышел к человеку.

Семёнов, всегда испытывавший угрызения совести, когда лишал тварь божию жизни, с трудом подавлял грызущий его нутро стыд, разделявая малыша.

Семёнов ел вкусное жареное мясо, бездумно водил палочкой над пышущим жаром костром и лениво наблюдал за тем, как старательные птицы

вили свои ладные гнёзда. «Ишь, деловитые», — думал он.

Деревню он отыскал к вечеру следующего дня. Встречать его вышли три мужика — в простых, но чистых одеждах.

Спокойные лица, ни тени страха. Семёнов куда шёл с бригадой Унгерна, а потом и со всей Азиатской дивизией, привык, что встречали их по-разному — иногда со страхом и слезами, иногда с песнями и ликованием. Но ни разу Семёнов не видел безразличия.

— Откуда будешь? — спокойно спросил Семёнова седой старик. — С Верхнеудинска или ближе?

Семёнов задумался, сказать ли ему правду или соврать.

Изучающе посмотрел на старика и двух его спутников, а потом решил: была-не была, пришла пора рубить правду-матку. Набрехался уже за недолгую свою жизнь.

— Я шёл с дивизией фон Унгерн-Штернберга, мы разбили красных у Гусиноозёрского дацана, но мне победа эта встала поперёк горла. Я насмотрелся на мертвецов. Оказалось, что и у красных и белых кровь одного цвета, кишки одинакового вида, и матери над телами рыдают на один голос, — сказал Семёнов.

— То есть, сбежал? — с некоторым, как показалось Семёнову, одобрением уточнил седой старик.

— Так и есть — кивнул Семёнов. — Бог его знает, что там у них сейчас происходит. Может, красные в кольцо дивизию забрали. А, может, фон Унгерн пошёл дальше прорубаться, он всё-таки суший дьявол.

— Разбили вашего белого брата наемни у Ново-Дмитриевки. К красным бронеавтомобили

подошли, сеча была лютая. Нам продукты на торг недавно подвозили, вот и рассказали.

— И что же фон Унгерн? А что Резухин? — Семёнов подался взволнованно вперёд: он оставил войну позади, но душою всё ещё болел за своих.

— А мы почём знаем, — пожал плечами один из встречавших Семёнова мужчин, низкий, темно-волосый, со слегка скрипучим голосом. — Может, подстрелили твоего Унгерна, может, в плен взяли, а, может, он в Монголию убёг. Нам дела нет.

— Так вы всё-таки с большевиками? — Семёнов, хоть и решил, что нету больше для него ни белых, ни красных, всё-таки напрягся. Разные слухи ходили про зверства, с которыми встречали в красных деревнях случайно заблудших белых; страшно, говорят, мстили за заглубленные души.

Седой улыбнулся. А темноволосый даже позволил себе хохотнуть.

— Ни с теми и ни с другими. Нам, по большому счёту, плевать на обе стороны. Мы ни Врангеля не признаём, ни Троцкого, ни ещё какую большую гниду из ваших разноцветных. У нас тут своя земля, свои устои и свой... царь, — на последних словах старик немного запнулся, но не от смущения или страха, а будто пытаясь подобрать удобное слово.

«Анархисты, что ли? Или правда, может, дьяволу молятся?» — подумал Семёнов, но мысли свои озвучивать не стал. Он страшно устал — путь его был нетруден и спокоен, но постоянное напряжение от ожидания погони и скопившиеся тревоги сделали своё дело. Его слегка потрясывало, ужасно хотелось упасть на мягкую кровать, вышвырнуть из головы все мысли о проклятых войнах, революциях, царях, восстановлении России, интервенции и реввоенсовете. И просто поспать, как, бывало,

доводилось ему в доме матушки в отроческие беззаботные годы.

Встречавшие будто прочитали его мысли и тут же предложили кров и скромный ужин. Семёнов с радостью согласился, попытался было отдать все свои малые сбережения, но мужчины отказались и повели его в пустующую избушку.

На улице смеркалось, Семёнов буквально засыпал на ходу, но всё-таки успел разглядеть крошечные аккуратные домишки, построенные на удивление в разнообразном стиле. Маленькие огородики, милые лавчонки, опрятные и спокойные местные жители, не проявляющие к беглому солдату ни малейшего интереса. А ещё он увидел на мгновение девушку невообразимой красоты — правильный овал лица, длинные волосы цвета пшеницы, небесные глаза, простое светлое платье, венчик на волосах. Семёнов смотрел на неё буквально секунду, но этой секунды хватило, чтобы девушка снилась ему потом всю ночь. В тумане сна они о чём-то разговаривали и смеялись — но на утро всё забылось.

Утром в избу к Семёнову зашли двое вчерашних мужиков — седой старик и скрипучий брюнет. Третьего они с собой не взяли, оно было и к лучшему, ибо беглый солдат его совершенно не запомнил.

Разговор пошёл с того, что седой начал разъяснять Семёнову местные правила. Оказалось, что деревня существует на принципах взаимовыгодного ячества. Каждая семья работает себе во благо — сама решает, чем заниматься, выращивать ли овощи, торговать ли фруктами, доить ли коров или просто бездельничать. В деревне нет никакой людской власти, а будущее семей определяют только сами большаки. Никто никому насильно

не помогает, никто ни с кого ничего не требует, но все с удовольствием друг с другом обмениваются товарами и услугами. Иногда из близлежащих деревень подвозят продукты, и их покупают те, кто не смог по какой-то причине себя обеспечить.

У деревни нет ни суда, ни милиции, и она не признаёт по таким вопросам никаких внешних правомочий. Преступлений никто не совершает, потому что в них нету нужды.

Семёнов слушал все эти диковинные истории и не мог поверить, что его не разыгрывают. Во внешнем мире уже три года как кипит страшная война за власть, за идеи, за само устройство государства Российского, а тут, в маленькой этой деревеньке две или три сотни человек взяли и построили какой-то враждебный как монархическим, так и революционным идеям мир.

— А что, допустим, если только у меня в деревне есть курицы-несушки, а я не хочу меняться с другими жителями? Вся деревня останется без яиц? — Семёнов никак не понимал устройства здешних обменных дел.

Седой и скрипучий обменивались взглядами и улыбались.

— Не станешь ты так делать, — скрипел черно-волосый. — Кой чёрт тебе сидеть на этих яйцах без всего остального? Без вина и пива, без свинины, без табака. Каждый из жителей тянется к удовлетворению своих нужд, а сделать это возможно только в обмене.

Солнце уже добралось до середины неба, с улицы доносились звуки трудовой деревенской жизни, лопотание детворы и лай собак, а Семёнов всё разговаривал с мужиками, всё полнее разумея, по каким удивительным принципам существует местный люд.

Он давно уже хотел задать ещё один очень важный вопрос, но всё не решался, боясь показаться излишне агрессивным. Однако после того, как седой рассказал, что за всю их долгую историю у них не произошло ни разу кражи или грабежа, Семёнов не сдержался.

— А ну как скверные люди попытаются у вас всё это изъять? Придут, например, большевики, чтоб отобрать и поделить? Или наши... Или прискачут белые, и всех вас, мужиков, в ружьё, чтоб с красными сражаться? Или и те и другие начнут заявляться поочерёдно, собирая для своих нужд продукты, одежду, инструмент?

— Ну наконец-то спросил, — кивнул седой. — Стеснялся, что ли? Напрасно, давно уже стоило. Пойдём, кой-чего покажу.

И они пошли. Шли они по аккуратным чистым улочкам, и снова Семёнов поразился красоте и опрятности местных людей, чистоте улиц. Свежая одежда, румяные лица, все чем-то заняты, что-то строгают и пилят, у каждого дома маленькая лавчонка, в которой детвора и девушки продают разнообразный товар.

Ни одного пьяного, ни единого попрошайки, ни следа бедноты.

Семёнов не просто так глазел по сторонам — он искренне надеялся, что сможет вновь увидеть вчерашнюю красавицу-златовласку. Но, увы, сегодня она им не повстречалась.

Тем временем старик вывел Семёнова с главной улицы. Домишек становилось всё меньше, вскоре они и вовсе закончились. Зато впереди вдруг показалась гигантская яма. Вокруг неё в землю были врыты изрезанные странными символами столбы. В воздухе стоял непонятный дух, и Семёнов бы не сказал, что неприятный, наоборот, он напоми-

нал о до блеска вымытых полах и стерильной чистоте врачебных кабинетов.

— Ты иди вперёд, а я тут подожду, — кивнул седой Семёнову и остановился. — Не бойсь, ничего страшного не произойдёт... Наверное.

Это «наверное» старик произнёс практически шёпотом, наверняка уверенный, что Семёнов не услышит. Но отличавшийся идеальным слухом — в детстве его обучали игре на музыкальных инструментах — солдат услышал и напрягся.

Что же, думал он, ждало его в этой пахнувшей чисто стиранным бельём и горной свежестью яме. Какие-то минералы, за счёт которых деревня может позволить себе вести свой странный образ жизни? Механизмы? Что ещё-то?

Семёнов подошёл к краю котлована и посмотрел вниз. И то, что предстало его взгляду, одновременно потрясло и безумно его напугало. Он, ветеран десятков чудовищных боёв, видевший, как на части разрывало его друзей, как вороны выдирали у мертвецов глаза, как плачущие дети обнимали своих изуродованных мёртвых матерей, вдруг побледнел лицом, зашатался и ощутил, будто что-то в его груди отрывается со своего места и устремляется куда-то в бездонную глубину живота.

В пузырящейся белёсой жидкости плавало исполинское существо. Гигантские его щупальца напоминали титанических дождевых червей, покрытое отростками тело походило на лишённое конечностей человеческое туловище.

Голова была гораздо больше тела, внутри неё, будто закрытые в банке со спиртом уродливые органы из петербургской кунсткамеры, плавали глаза. Было их десять; может, больше. Они смотрели на Семёнова и словно бы внимательно его изуча-

ли. Солдату вдруг показалось, что они проникают прямиком в его голову, что-то там щупают, перебирают и оценивают.

«Господи милосердный, отче наш, на небесах сущий, прости меня грешного, — подумал Семёнов. — Права была баба, они тут молятся дьяволу. Даже не молятся, а вовсе с ним живут...»

Никогда ещё ему не доводилось видеть ничего подобного. Он даже и представить себе не мог, что этого чудовищного левиафана могло породить что-то кроме как адская бездна. Семёнов сделал шаг назад, намереваясь броситься бежать, и натолкнулся вдруг на оказавшегося прямо за его спиной седого.

— Не бойсь, солдат, — ласково сказал он. — Уже всё, прошёл проверку. Живи с нами сколько тебе угодно.

«Да он же всё это время стоял у меня прямо за спиной! Наверное, если бы я не прошёл проверку этого... этой... вот этой страшили, меня к ней и столкнули!» — в ужасе подумал Семёнов.

Старик будто прочитал его мысли:

— Разные люди к нам ходят. И ты правильный задал вопрос, что будет, если кто-то с недобрым умыслом придёт, надумает разрушить всё то, что мы здесь строили веками. Так вот — ничего не будет. Хозяин сразу умыслы эти сочтёт и накажет злодея. Тебя он не тронул, ты пришёл к нам без зла, так что живи теперь тут сколько хочешь.

Семёнов сделал ещё несколько шагов назад, всё ещё не зная, остановиться ли ему или кинуться бежать.

— А если я захочу уйти?

— Уходи, — кивнул старик. — Когда захочешь, тогда и уходи. Каждый у нас тут живёт и действует ради своего блага. И от этого его единично-

го блага получается и общее благо. Захотел уйти, значит, тебе с нами было худо. А раз ушёл человек, которому с нами было скверно, значит, нам всем станет чуть лучше. Всё просто.

— А если я расскажу, что тут у вас видел? — продолжал Семёнов, не разобравшись и не осознав для себя, как реагировать на всё. — Если сюда придут, чтобы закончить это богомерзкое беззаконие?

Старик пожал плечами.

— Иногда приходили и такие. И никто домой не возвращался. Всё и дальше будет так, как было. Неважно, уйдёшь ли ты и станешь всем рассказывать, или решишь жить с нами.

— А когда мне нужно принять решение? — спросил Семёнов.

— Когда пожелаешь. Можешь и не принимать никакого, просто живи себе и живи. — Старик улыбнулся.

И Семёнов, хотя и был уверен, что убежит, как только представится возможность, остался. Он занял избушку, в которой провёл первую свою здесь ночь. Обустроился и занялся любимым с самого детства делом — начал резать из дерева фигурки. Сперва выходило так себе, а потом они стали получаться очень ладные и красивые. Вся деревня принялась с удовольствием с ним меняться, и вскоре он уже мог позволить себе самое разнообразное питание и удовольствия. Он ел свежие фрукты и вкуснейшее мясо, ходил на танцы и на вечера чтения, сдружился с местными жителями и лучшим его приятелем стал скрипучий черноволосый мужик, встречавший его в первый здешний день. Винтовку свою Семёнов утопил в Гусином озере. Познакомился со златовласой зазной, и хотя на знаки внимания она не ответи-

ла взаимностью, был рад и простому с ней общению, но втайне надеялся, что сможет однажды достучаться до её сердца и до тела.

* * *

Всё в деревне нравилось Семёнову — и местные уклады, и независимость, и взаимное уважение, и отсутствие ссор, краж и воровства, и возможность заниматься любимым делом, не страшась чинов и бесчестных судов. Единственное, что вызывало в нём близкий к паническому ужас — это тварь в котловане. Местные жители периодически собирались вокруг ямы, водили хороводы и пели на странном гортанном языке, кормили чудище телятами и поросьями, но Семёнов к ним не присоединялся. Не посещал он и местную церквушку, построенную в честь твари, не приносил ей жертв и не переставал перед сном молиться православному богу.

Семёнов всегда отказывал, когда кто-нибудь из соседей просил его вырезать фигурку твари и даже в разговорах, как только поднималась тема диковинного создания, умолкал, переставал слушать и читал про себя «Отче наш».

Семёнов не знал, откуда тварь взялась — сошла ли из адского пекла, пришла из Гусиного озера, поднялась ли из бескрайних подземелий или, наоборот, спустилась со звёзд — и совершенно знать этого не хотел.

Он предпочитал жить так, будто того дня, когда седой старик подвёл его к котловану, никогда и не было. И лишь иногда мечтал о том, как бесконечно хороша была бы его жизнь, когда бы твари вдруг не стало.

Сильнее этого он вождедел лишь златовласую красавицу Екатерину. И две эти нужды иногда

в нём переплетались и заставляли просыпаться ночью в сладострастном ужасе и слезах.

А потом случилась беда — в деревеньку пришёл отряд красных. Комиссар в кожане и четверть сотни вооружённых людей. Они искали подручных фон Унгерна, якобы скрывавшихся в местных деревнях. И когда вышедший их встречать — как когда-то Семёнова — седой старик сказал, что ни барона, ни других белых офицеров здесь отродясь не было и лучше бы комиссару отправиться искать их в другое место, то получил мгновенно пулю в лоб. Выстрелил какой-то нервный юноша с едва-едва пробивающимися усиками и длинным шрамом на лбу, решивший, что старик полез в карман за ножом или наганом. Комиссар разгневался, наорал на него, затем потребовал у скрипучего брүнета, чтобы тот предупредил жителей, что будет обыск и сопротивление чревато новой бедой.

Тело старика унесли, а темноволосый сообщил красным, что теперь-то и покажет то, что их интересует. Комиссар оживился и посоветовал во избежание трагедии не выкидывать никаких больше фокусов.

Семёнов всё это время стоял поодаль и молился, чтобы красные не признали в нём бывшего врага. Черноволосый повёл комиссара и его людей напрямиком к яме, и Семёнов не знал, как ему на это реагировать.

Красные могли решить томившую его проблему — прикончить тварь и снять с души могильную плиту. Но чем это было чревато для деревни? Для него, Семёнова? А для Екатерины?

Семёнов удивлялся, что местные жители не проявили практически никакого внимания к пришедшему красному отряду, будто и не боялись вовсе

их наганов, ружей и шашек. Люди продолжали работать, детвора играть, торговцы — торговать.

Семёнов продолжал красться за красным отрядом.

Скрываясь за зданиями, крупными вязанками дров и колодцами, двигался следом за солдатами и ведущим их скрипучим брүнетом. Иногда он ловил на себе равнодушный взгляд деревенских — его странные манёвры вызывали у жителей интерес ничуть не больший, чем появление красного отряда. Люди вели себя так, будто отлично знали, чем всё дело закончится и предпочитали не вмешиваться в распланированный судьбой ход событий.

Дома закончились. Черноволосый довёл отряд до ограждающих котлован столбиков, сильный запах невозможной в таких условиях чистоты наполнил воздух.

Семёнов скрывался за небольшим ладным сарайчиком, в котором, как он знал, деревенские жители хранили немудрёные аксессуары для посвящённых твари празднований.

— Это ещё, мать его душу, что за говно такое? — услышал Семёнов крик комиссара.

Потом заговорили наганы. Их заглушали только страшные людские вопли, панически выкрики комиссара и тяжело шуршание, одновременно быстрое и какое-то очень мягкое. Иногда что-то страшно рычало, иногда до ушей Семёнова доносился звук, похожий на тот, с которым расходится по швам одежда.

Беглый солдат сидел за сараем и не знал, можно ли ему выглядывать или нет. Предыдущий раз, когда он видел страшного левиафана, наградил его ночными кошмарами и мучительными терзаниями.

Сейчас Семёнов боялся даже не того, что мог увидеть, но то, как это могло повлиять на него впоследствии. Он, решив чуть погодить, забормотал молитву.

Тем временем гомон наганов почти смолк, лишь изредка раздавался одиночный выстрел, да в воздухе разносился страдальческий вопль.

Семёнов не мог поверить, что существо совлада-ло с двумя с половиной десятками вооружённых людей.

Он сам не знал и не понимал, чего хотел от этого побоища — обе стороны конфликта были ему противны, обеим он жаждал смерти.

Но всё-таки люди, думал он, были ближе — пусть и отъявленные мерзавцы, пусть и кровососы-большевики, но всё же и они твари божии. В яме же, по мнению Семёнова, обитал по меньшей мере Антихрист.

«И избавь нас от лукавого», — закончил читать молитву Семёнов и, набравшись сил, всё-таки решил выглянуть. Глазам его предстало несусветное зрелище — всё пространство вокруг котлована было завалено изуродованными телами. Кому-то оторвало голову, кого-то просто разодрало пополам.

Один красноармеец лежал на земле и, умирая, тихо стонал, пытался разглядеть свои плечи, из которых вместо рук тянулись жалкие кожаные лоскуты.

Трупы валялись так, будто это были спички, которые кто-то без какого-либо умысла наломал пальцами и раскидал на землю.

Юноша с усами и шрамом, застреливший седовласого, стоял на коленях и с механической одержимостью жал на спусковой крючок оставшегося без патронов нагана.

Внезапно из котлована перекинулась — будто мёртвая рыба вывалилась из воды на сушу — похожая на исполинского угря конечность.

Со страшной скоростью она вылетела в направлении судорожно сжимающего наган паренька. Руки у красноармейца затряслись так, будто земля под ним ходила ходуном.

— Мама! — крикнул он, и в этот момент щупальце обвилось вокруг его тела и немислимым рывком дёрнуло в направлении к яме. С ног паренька слетели пыльные сапоги. Затем всплеск и тут же всё закончилось. Ни одной живой красной души более на поле этой страшной брани не оставалось.

— Они сами так решили, — устало произнёс черноволосый, проходя мимо Семёнова.

— А убрать мёртвых? Всё-таки надо похоронить по-христиански, твари все же божьи... — начал было Семёнов и тут же остановился.

Из ямы вылетели два щупальца, аккуратно сгребли переломанное тело комиссара и потащили в котлован.

— Он сам и уберёт, — проскрипел черноволосый и двинулся обратно в деревню.

Семёнов ещё чуть постоял, наблюдая, как щупальца деловито утаскивают останки солдат. Затем машинально подобрал какую-то красную книжицу — документ, выпавший в пылу безнадежного сражения из кармана одного красноармейца — и, пошатываясь, побрёл к своему дому.

Ночью Семёнову не спалось — едва он закрыл глаза, как тут же воображение рисовало перед ним картины изуродованных тел красноармейцев, в ушах его повторялся плеск, с которым щупальца утаскивали покойников. Представить, что за богомерзкие дела творятся в котловане с тру-

пами он даже и не мог. «Пусть их, они заслужили», — твердил он себе, вспоминая рассказы сослуживцев о том, как псы проклятого латыша Петерса кончали в забрызганных кровью подвалах их братьев и отцов.

«Тогда и я заслужил?» — против своей воли думал Семёнов, вспоминая, как казнили они юных красноармейцев в Забайкалье, резали их под станцией Желтуринской и в десятках других пропитавшихся кровью мест.

«И мы зверьё, и красные зверьё, но в яме той сидит даже не зверь, а сама смерть, воплощённое зло, ночь цивилизации», — думал Семёнов. И, наконец, насытившись сполна страшными своими мыслями, он вскочил с кровати, оделся и стремительно помчал в дом Екатерины.

И два следующих часа он уговаривал её бежать с ним вместе. Забыть об ужасах гражданской войны, о красных и белых, о чудовище в яме; построить маленький домик где-нибудь в лесной тиши близ журчащей реки и жить охотой и рыбалкой, собирать ягоды, растить сына или дочку, очиститься в честном труде и покаяния.

Екатерина его не понимала, она говорила, что у неё и так есть честный труд, что ни красные, ни белые её не беспокоят, что у неё имеется уже дом и что она влюблена в соседского парня, мастера ковать подковы и делать инструменты, и растить сына или дочку через семь месяцев будет уже с ним.

И Семёнов не понимал: как Екатерина может быть так спокойна и холодна — его, Семёнова душа, дважды сегодня получила страшные ранения, а она, бессердечная, не хочет их лечить.

Он молил её, бранил, снова молил, и распалил себя до такого состояния, что по губам пошла бе-

лая пена, лицо покраснелось, и в голову пошли худые мысли.

А потом девушка вырвала обшлюявленный подол из его рук, накричала, и пригрозив кликнуть отца и брата, погнала прочь.

И напоследок сказала, что пора Семёнову покидать деревню, ибо с такими делами и мыслями он здесь чужой.

* * *

Семёнов ушёл. Он бежал через песчаный берег и болота, шёл через леса и прыгал через ручьи. Распугивал лесную живность, продирался сквозь колючие кусты кислицы и набивал механически рот ягодами.

Тревожно кричали над ним вьющие гнёзда птицы, уносили ноги беспечные зайцы. Не было больше среди сосен того уютного покоя, что радовал Семёнова, когда он, удрав из белой дивизии, разыскивал деревеньку. И так он шёл, куда не добрался до занятой красными Тамчи, где его мгновенно подобрала дозорная красной армии и доставили к командиру батальона.

И Семёнов, сам страшась своих слов, рассказал, что в одной крошечной деревеньке в долине у восточного берега Гусиного озера, полёг случайно забрёдший красный отряд вместе с комиссаром.

— Там белые, что ли, окопались? Много? Хорошо вооружены? — пытал его красный военачальник.

И Семёнов, как мог, путаясь и сбиваясь, пытался рассказать ему про страшный котлован и вековую тварь, живущую в нём и держащую в плену местных жителей, и про одну прекрасную деву, Екатерину. Которая страшно бы хотела с ним, Семёновым, уехать жить в леса, строить там и об-

живать уютный дом, но тварь ей заразила мозги и не пускала.

Командир батальона подумал было, что Семёнов сошёл с ума и хотел уже было приказать увести его с глаз долой, но тот протянул ему подобранныю после расправы над отрядом красную книжечку. Это был залитый кровью документ красноармейца.

* * *

Через несколько дней по направлению к деревне выдвинулось войско. Семёнов, отчаявшись убедить военачальника красных, что деревню держит в щупальцах неведомая потусторонняя тварь, солгал, что там сосредоточились остатки дивизии барона фон Унгерн-Штернберга. Описал маршруты и боевые акции дивизии и убедил высокого красного чина, что когда-то состоял в этом белом соединении, знал неведомые красноармейцам секреты, раскаялся и был полезен.

Маршировали красные солдаты, громыхали броневладельцы, кони выбивали столбы пыли — на крошечную деревушку шла красная армия.

И когда они уже вошли в деревню, Семёнов запоздало понял, что же натворил. Во мгновение ока запылали дома, затрещали ружья и наганы, наполнился воздух криками и стоном умирающих. Разъярённые большевики страшно мстили убийцам своих товарищей.

Предоставленный самому себе Семёнов сперва растерянно метался среди горящих изб, а после вдруг кинулся в ноги какому-то красноармейцу, ухватил его за штанину и быстро-быстро заговорил:

— Стойте, остановитесь! Что я натворил, какая я мразь, что я за падаль, не режьте их, перестань-

те, простите их, нет тут белых! Нету людей барона.

Солдат брезгливо его отшвырнул.

И Семёнов остался лежать, распластавшись, на разбитой сотнями подков дороге.

— Да что же я такое натворил, — шептал он. — Я поломал людям весь их мир, я смерть им принёс и боль. Я разломал то, что не понимал, кровью затопил...

А тем временем, разбуженный страданиями своих людей, из котлована вырвался дремавший исполин. И издал нечеловеческий рёв, увидев, что случилось с его деревней.

Ожидавшие встречи с окопавшимися белыми красноармейцами опешили, разглядев, с чем именно им предстоит схватиться. Но к чести их начальников, они быстро пришли в себя. Затрещали на броневладельцах пулемёты, кинулись в атаку красные бойцы.

Тварь неистовствовала и, размахивая чудовищными щупальцами, казнила атаковавших одного за другим, рвала солдат на части, давила и душила. Но и страшные пулемётные очереди наносили ей урон — на теле появились пробитые жужжащими роями пуль кровавые бороздки.

Семёнов закрыл руками лицо и стонал. Застрелен был сосед Екатерины, мастер литья иковки. Убит пулей в сердце скрипучий брюнет, недавний лучший Семёнова приятель.

Мертвы были и другие люди, с которыми Семёнов совсем недавно делил стол, ходил на танцы, торговал и веселился.

По всей деревне полыхали маленькие аккуратные домики, горели мастерские, лежали мёртвые тела. И у одного из этих тел были волосы цвета спелой пшеницы.

Колосс поднялся во весь свой гигантский рост, могучие щупальца обращали в груды искорёженного металла бронемашину и рвали точно тряпки красноармейцев, но раны на его теле становились все страшнее, и силы уходили из великой твари. Однако Семёнов этого уже не видел. Он слепо брёл, шатаясь и тяжело дыша, куда-то в сторону леса.

— Загубил их, — бормотал он, спотыкаясь, падая и вставая. — Чего же нам всё не живётся, что же мы ломаем всё, убиваем, сжигаем...

Вскоре он наткнулся на оставленного позади с поломавшейся подводой, гружёной припасами, юного красноармейца.

Тот тревожно прислушивался к доносящимся со стороны деревни воплям, пулемётным очередям, рёвам и крикам. С ужасом вглядывался в маячивший на фоне серых облаков исполинский силуэт. Он обдумывал, не кинуться ли ему бежать в лес или, наоборот, на подмогу своим, но пока ещё стоял на страже, верный приказу.

— Стой на месте! Куда пошёл! — закричал юноша, увидев Семёнова. — Что там такое-то происходит?!

— Как и везде, — забормотал Семёнов, — смерть там происходит.

— Наши побеждают? Куда идёшь, стой на месте, я стрелять же буду, если двинешься!

Семёнов пожал плечами и, спотыкаясь, пошёл дальше. Рывкнул выстрел, и беглый солдат белой армии, сражённый пулей юного красноармейца, пошатнулся и рухнул лицом прямо в искрящийся чистотой ручей. Кровь окрасила воду.

— Да что же делается-то, — застонал красноармеец. Потом потянул носом, почувал в воздухе странный запах удивительной для развёртываю-

щегося в нескольких вёрстах ада чистоты. Чуть постоял возле поломанной подводой, потом швырнул на землю ружьё, схватил мешок с едой и побежал в лес.

Клубы чёрного дыма подымались над деревней. Сквозь них пронеслась деловитая птичка, в клюве она несла большую щепку.

Птица села в гнездо, старательно поскребла когтистой лапкой разбросанные травинки и палочки, уложила щепку и пару раз тукнула её клювом. Затем, удовлетворённая своей работой, вспорхнула и полетала в сторону озера.

Её не волновали ни красные, ни белые, ни жители деревни, ни судьба России, ни даже погибающий в безнадежном бою чудовищный левиафан. Веточка к щепочке, палочка к травинке, кусочек коры к пёрышку — птичка строила гнездо. Трудилась птичка и не догадывалась даже, что этой ночью ее разорвет на части и обглодает до костей хищная сова.

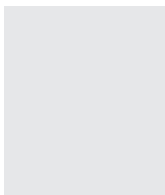
* * *

Деревня догорала. Умирал в котловане растерзанный колосс, так и не понявший, отчего вдруг столетиями опекавшая его прирученная еда вдруг начала так страшно жалить.

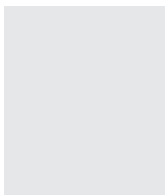
Умирал и красный военачальник, перед тускнеющим его взглядом размытым становилась заваленная телами своих и чужих улочка, и досадно ему было, что уходит он в ничто и не увидит, как дышит полной грудью новая Россия.

Серебрилась чистая гладь Гусиного озера, равнодушная и повидавшая так много; и знающая наперед, что всё когда-нибудь пройдёт. И нежно гладил ветер чьи-то мёртвые волосы цвета спелой пшеницы. **УС**

ПСС

Александра Хохлова

Дмитрий Орлов

Харона, дремлющего в лодке у берега чёрного Стикса, Дмитрий Михайлович заметил ещё издали, когда уточнял дорогу у чумазого малолетнего чертёнка. Последний, чертыхаясь на Балабановскую фабрику, пытался развести огонь под котлом со смолой и грешниками.

— Не перевезёте, уважаемый? — подойдя поближе, спросил у Харона покойный.

— А? Деньги есть? — встрепенулся перевозчик.

Похлопал себя по карманам брюк и, обыскав пиджак, Дмитрий Михайлович обнаружил металлический советский рубль.

— Меня похоронили в старом костюме. И вот... завалилось за подкладку.

Харон покрутил монету в руках и с явным сожалением вернул обратно.

— Я собираю советские рубли, но принять к оплате не могу, — вздохнул он.

— Почему? — огорчился покойный.

— Устав перевозчиков мёртвых. Параграф два, пункт девять: «Нельзя принимать в качестве оплаты монеты несуществующих государств, за исключением специально зарезервированных валют», — процитировал перевозчик.

— Каких?

— Драхмы, оболы, сестерции, денарии, квинарии, — принялся перечислять Харон.

Покойный устало махнул рукой, давая понять, что ничего из вышеперечисленного у него нет.

— А зачем вам к древним грекам? — вкрадчиво поинтересовался перевозчик. — Вот, помню, перевозил одного доктора исторических наук. За два советских пятака. Но так до 1991 года было, — Харон уважительно покачал головой в черном капюшоне и продолжил: — Он умолял довести его хоть до Тартара. Так Древнюю Грецию любил, что согласен был жить

после смерти хоть в будке у Цербера, если тот не против. А вам что там делать? Вы кто? Инженер? Бюджетник?

— Так точно, — не стал отпираться Дмитрий Михайлович.

— Глаз у меня намётанный! — порадовался своей пронизательности Харон. — А вероисповедание какое, если не секрет?

— Атеист.

— Ууу... Не берут никуда, да?

— Не берут, — грустно подтвердил слова Харона покойный.

— А к древним египтянам не просились? Осирис — дядька добрый.

— Так там очередь на последний суд со времен 18 династии тянется, — пожаловался Дмитрий Михайлович. — И записываться надо было ещё при жизни, и анкету иероглифами заполнять.

— В Вальгалле были? — участливо поинтересовался Харон.

— Был. Почти взяли, — с нескрываемой гордостью ответил Дмитрий Михайлович.

— Да ладно? Рассказывайте!

— Я ведь умер с ножом в руках, — стал объяснять покойный. — Бутерброд делал... Но потом подумали и передумали. Локи был за, а Тор и Один против.

...Действительно, в день своей смерти наш герой — Дмитрий Михайлович Добронравов, взял поджаренный в тостере ломтик хлеба, намазал оный домашним майонезом и положил сверху копчёную грудинку. Стал нарезать огурчик и... скоропостижно скончался от сердечного приступа. Хорошее настроение перед смертью обеспечило Добронравову лояльное отношение потусторонних существ — ведь позитивных людей любят везде, однако этого, к сожалению, было категорически недостаточно, что-

бы покойный обрел своё место под заgrabным солнцем...

— Что это? Будто солнце встает, — спросил Добронравов у Харона, указав на зарево, разгорающееся слева.

— Это открывается проход в ПСС, — усмехнулся перевозчик.

— Куда?

— В Потусторонний Советский Союз.

— А мне туда можно? — с надеждой в голосе спросил покойный.

— Спроси у Алого Сфинкса. Я такие вопросы не решаю, — уклонился от прямого ответа перевозчик. Иди налево. Просто иди на красный свет, — повторил Харон, уловив сомнение на лице у Добронрава.

И пошёл Добронравов налево, в сторону красного сияния. Долго ли, коротко, шёл он по пустыне, пока наконец не увидел среди багряных барханов Сфинкса из полированного гранита.

В глазах Алого Сфинкса пылали рубиновые звёзды, улыбка хранила хитрый прищур, под красноватой каменной шкурой переливались мощные бугры мышц. Между внушительного размера когитыстами лапами стояла высоченная дверь из серого чугуна СЧ20, на которой был высечен герб: колосья пшеницы, сплетённые в снопы, венчали звезду с золотыми серпом и молотом, на кумачовой ленте серебрилась полустёртая надпись «Пролетарии всех стран...». Наполовину занесённый песками, Сфинкс, тем не менее, не утратил величественного вида и по-прежнему внушал страх и трепет.

— Выборочный маркер номер один. Герцеговина Флор! — сказал Алый Сфинкс хорошо поставленным дикторским голосом, как только наш герой протянул руку к двери.

— Что, простите? — переспросил Дмитрий Михайлович, но Сфинкс, как и положено, загадочно молчал.

«Пароль говорит, — догадался Добронравов. — А я должен отзыв сказать!»

— Сталин?.. — неуверенно проговорил Дмитрий Михайлович.

Дверь тихонько скрипнула, приотворяясь.

— Выборочный маркер номер два. Кукуруза!

— Хрущев! — голос Дмитрия Михайловича прозвучал уже гораздо увереннее.

— Выборочный маркер номер три. Почему не на работе в рабочее время?

— Мм... Андропов?

— Умничка! Свой. Проходи! — ласково промурлыкал Сфинкс.

Горячая слеза умиления выкатилась из его левого глаза, упала на песок и с шипением испарилась.

Сфинкс пропустил Дмитрия Михайловича внутрь, и, сделав шаг вперёд, Добронравов оказался в саду, где цвели вишни. Рядом с ним стоял маленький чугунный сейф.

Внутри сейфа, в приоткрытую дверцу, виднелись багряные пески и кусочек тёмно-синего неба, похожего на атласную ткань, а над садом, по обычным голубым небесам тёплый майский ветер гнал самые обычные белые тучки. Ах, весна, месяц май, время цветения вишен... Удивительное время, когда сердце бьётся чаще, а на душе радость и желание пить большими глотками «Вдову Клико-Понсарден».

«Вдова?.. Клико?.. Хм, откуда столь странные мысли? — удивился Дмитрий Михайлович. — Пузырьки шампанского играют и резвятся в вихре музыки... — Продолжилась непонятно откуда взявшаяся мысль. — Музыка?...»

Где-то неподалёку зазвучал нежный перелив гитары. Исполнялось: «Я был рождён, чтоб Вами обладать». Заворожённый прекрасной мелодией, Добронравов пошел на звуки по тенистой липовой аллее и вскоре вышел к особняку в английском стиле: с колоннами, верандой и зелёной крышей. Усадьба утопала в зарослях белой сирени.

Когда Добронравов подошёл поближе к крыльцу, то увидел мужчину и женщину в старинных одеждах начала двадцатого века. Мужчина закурил сигару, на что женщина с нажимом заметила: «Дым табачный воздух выел!». Покорно затушив табачное изделие, мужчина стал напевать что-то про господ-офицеров, а женщина села за клавиш, услужливо вынырнувший из кустов, и начала аккомпанировать. Дмитрий Михайлович вежливо кашлянул, привлекая внимание.

— Кто вы? — среагировал мужчина. — Белогвардеец? Монархист?

— Нет, — опешил от таких вопросов Добронравов. — Я умер в начале двадцать первого века! Какие белогвардейцы, какие монархисты?! — возмутился он.

— Ну, не скажите, голубчик, — не согласился с ним собеседник. — Мы вот с Варенькой тоже не так давно скончались, но тем не менее... Подумайте хорошенько, может, в душе вы всё-таки белогвардеец и монархист? — с нажимом произнёс он.

— Нет! — твёрдо ответил Дмитрий Михайлович.

— Тогда пошёл вон, холоп, — хором высказались владельцы усадьбы, теряя к нему всякий интерес.

Обиженный Добронравов развернулся и пошёл прочь, куда глаза глядят. «... И хруст французской булки», — ещё долго несло ему вслед, пока он не уловил запах речной воды. Сразу вспомнилось бо-соное детство, рыбалка, удилище из лещины, ро-

гулька из ивняка, кусок макухи в кармане. Дмитрий Михайлович подумал-подумал, да и пошёл в ту сторону...

...Плакучие ивы низко клонились над рекой, их ветви и листья, словно тоненькие пальчики, нежно касались воды. На противоположном берегу расхаживали люди в льняных портках и домотканых рубашках. Слышался топот копыт и свист нагаек. Воронье кони с лихими казаками в седле переходили реку вброд. Дойдя до переправы и дождавшись паромщика, Добронравов отдал ему советский рубль и поплыл на другую сторону.

— А вас, случайно, не Хароном зовут? — спросил он, вглядываясь в знакомые черты лица.

— Где Хароном, а где и Харитоном! — хохотнул розовощёкий паромщик.

— А можно вопрос?

— Да хоть десять. Спрашивайте!

— Почему Сфинкс — Алый, ведь логичнее Красный.

— Что? — от удивления паромщик даже присвистнул. — Не читали Дюма «Красный сфинкс»?

— Нет. Только «Трёх мушкетёров», — виновато пробормотал Дмитрий Михайлович.

— Название Красный Сфинкс с семнадцатого века зарезервировано за кардиналом Ришелье! Стыдно не знать!

— Ришельё, — поправил паромщика Добронравов.

— Чего?

— Дело в том, что у французов на конце фамилий буква «ё»: Депардъё, Ришельё, Монтескьё. Стыдно не знать!

Паромщик зловеще ухмыльнулся.

— Ладно. Спасибо, что напомнили. По долгу службы обязан спросить: «А вы за белых или за красных?»

— В каком смысле?

— Воевать за кого будете? За красных? За белых? — поинтересовался Харитон. — Или против всех?

— Это обязательно?

— Здесь, — улыбнулся паромщик. — Обязательно.

— Где это здесь? — покрутил головой Дмитрий Михайлович.

— На Гражданской войне.

— Я пацифист!

— Уверены? Разве никогда не хотелось прокатиться на тачанке или броневиличке? Пострелять из пушек Авроры по Смольному?

— Вы хотели сказать по Зимнему? — уточнил Добронравов.

— И по Зимнему тоже!

— Звучит заманчиво, но...

— Хорошо. Доплывём до берега, пересядем на баркас и поплывём в Среднюю Азию воевать с басмачами! Любите чёрную икру? Ложками будете есть из фарфоровой супницы!

— Нет, высадите меня где-нибудь, где не воюют.

Насмешливо вздёрнув бровь, паромщик велел Добронравову закрыть глаза и считать от одного до сорока, но, как только Дмитрий Михайлович досчитал до тридцати семи, бессовестный и злопамятный Харон-Харитон бесцеремонно спихнул его в воду. Добронравов начал тонуть, захлёбываясь водой, но вовремя вспомнил, что он уже покойник. И взял себя в руки. И всплыл на поверхности небольшого озера, посреди хвойного леса.

Выбравшись из воды и просушив одежду, Дмитрий Михайлович пошел вдоль берега, интуитивно чувствуя, что где-то там, впереди, должна стоять дача, похожая на скромный дом купца второй гильдии, с кинозалом, подземным ходом и скрытой от глаз системой отопления. Как не удивительно, но вскоре Добронравов добрёл до такой дачи, и была она

точь-в-точь такой, какой ему представлялась. Заглядывая в высокие окна, он уже знал, что там увидит: столовую с огромным столом, уставленным различными яствами и бутылками красного вина, скромную до аскетизма спальню с деревянной кроватью, рядом с которой стоят сапоги из седельной кожи.

— Ви-и-и сталинист? — спросил у Дмитрия Михайловича приятный мужской голос с лёгким грузинским акцентом.

Добронравов так и не понял, откуда шёл голос — казалось, он звучит у него в голове.

— Мм... не совсем.

— Ви умерли до 1953 года?

— Нет, что вы. Я после 1953 только родился.

Невидимый собеседник надолго замолчал и не издавал ни звука, но Дмитрий Михайлович почему-то подумал, что он курит трубку.

— Хотите остаться здесь?

— Нет.

— Хотите идти дальше?

— А куда дальше?

— Времени у Добронравова — вечность, перед ним — бесконечность. Все пути открыты. Правильно я говорю, товарищ Мехлис?

Ответа товарища Мехлиса Добронравов не расслышал, так как его оглушил пронзительный заводской гудок. От неожиданности Дмитрий Михайлович зажмурил глаза, а когда открыл, то не увидел больше ни леса, ни дачи, ни озера. Вокруг сновали люди с тачками, шипел пар, вырывавшийся на свободу из огромного котла паровоза. Звенел металл. Баба Хопра забивала сваи. От каждого удара земля дрожала так, будто где-то вдали шагал великан.

Перед изумлённым Добронравовым предстала великая стройка гидроэлектростанции, похожая на гигантский муравейник. Миллионы тружеников —

и каждый занят, делая своё дело: долбит породу, выносит обломки, заливает бетон. У многих рабочих на груди сияли ордена героев труда. Симпатичные комсомолки в обтягивающих комбинезонах весело красили, штукатурили, шпаклевали. На холме возвышалась вышка с громкоговорителем, из которого доносилось «Эх, хорошо в стране советской жить...».

Внезапно музыка прервалась и прозвучало приглашение для всех желающих записываться в космическую экспедицию на Марс.

* * *

— Что, товарищ, мутит, да? — участливо спросил у Дмитрия Михайловича голубоглазый комсомолец, с которым он познакомился в тренажёрном зале подготовительного центра будущих «марсиан».

Нашего героя действительно мутило, но не от тренажёров, а от ответа на вопрос «А почему не летят на Луну?» Оказывается, Луну давно захватил ПЗР — Потусторонний Третий Рейх, выселив оттуда то ли шумерийцев, то ли вавилонян.

— И теперь надо успеть первыми хотя бы на Марс! — так ответил Добронравову комсомолец.

«Какой Марс?! Я же умер! Какие стройки, какие полёты?! Это всё ненастоящее!»

— Э, нет! С таким настроением вам тут делать нечего, — решительно заявили Дмитрию Михайловичу крепкие ребята в штатском, выводя под руки из тренажёрного зала. — Таких не берут в космонавты!

...Сигарообразная ракета стартовала без него, а на Дмитрия Михайловича с ясного неба спикировал бомбардировщик, и он бросился бежать, не разбирая дороги. Сначала Добронравов бежал вдоль железнодорожного полотна, потом наткнулся на плетёный забор, украшенный сверху перевёрнутыми гле-

чиками. Поднял глаза — увидел сельский домик с соломенной крышей.

— Матка — курки, яйца, сало, млеко! Дафай, дафай! — услышал Добронравов грубые мужские голоса и женский плач.

Хоть Дмитрий Михайлович и был пацифистом, но пройти равнодушно мимо тех, кто обижал женщин, он не мог. Влетев во двор, он обнаружил там бабульку, прижимающую к себе курочку-пеструшку, и троих солдат в серой форме с автоматами наперевес. Увидев Добронравова, солдаты разбежались с криками «Партизанен! Партизанен!»

Побеседовав с местной жительницей, угостившись яичницей со шкварками и молочком, наш герой узнал, что партизанский штаб здесь недалеко — у любого немчуры спроси, и он покажет. Дмитрий Михайлович не собирался идти к партизанам, но, как только он вышел за порог дома гостеприимной хозяйки, его завертела декабрьская вьюга и бросила в объятия вражеского патруля.

— Аусвай! — потребовали немцы.

Добронравов порылся в кармане и обнаружил профсоюзный билет.

— Проходи! — сказали немцы, внимательно изучив билет, держа его вверх ногами.

— Не подскажите, как пройти к партизанам? — спросил у солдат Добронравов, вспомнив совет доброй бабульки.

— Через тва дома направо, руссиш швайне, — высокомерно ответили те и подтолкнули его в спину дулами автоматов. — Иди! Дафай, дафай!

Партизаны как раз наряжали ёлку и собирались праздновать Новый год. Играли на баяне, пели «Бьётся в тесной печурке огонь». Печь топили сосновыми шишками и пачками листовок, где готическим шрифтом были напечатаны призывы переселяться в ПЗ Р.

— Оставайся с нами! — предложил Добронравову белорусский партизан, подливая ему спирта в металлическую чашку. — Сам видишь, живём мы хорошо. Но женщин, скажу честно, здесь мало — не любят они военное время.

— Я вообще не понимаю, что происходит? Почему так быстро всё меняется?

— В ПСС собрана романтика всех советских эпох. Мне нравится период ВОВ — и вот я здесь.

«По ту сторону Советского Стикса — «Дворянское гнездо». Там одна контра недобитая живёт, — объяснил Добронравову старожил. — Выбери себе усадьбу с мезонином, сиди и ностальгируй, как хорошо было при царе. На Гражданской войне живут те, кто любит сражаться, но танкам предпочитает конницу. Надоело быть в эпохе Гражданской войны? Слушай звуки. Услышишь заводской гудок, просто иди. И мир перед тобой поменяется. Будут заводы, фабрики, стройки. Надоело? Слушай звуки. Услышишь отдалённый рёв сирены — иди на звук, мир опять поменяется, и будут тебе танковые сражения и партизанские землянки. Здесь каждая эпоха простирается в бесконечность, и только твоё желание всё меняет. Или нежелание — ПСС чувствует, что ты «не в своей тарелке», и делает выбор за тебя».

— Хочешь на Марсе яблони сажать? Иди на рокот космодрома, — задумчиво проговорил Дмитрий Михайлович.

— Ну вот, ты всё и понял! — обрадовался партизан. — Хотя за такие места, как Луна или Марс, нужно побороться с соседними потусторонними мирами. Так веселей! Ну что? Не передумал уходить?

— Нет.

— Давай хоть поезд пустим под откос! На посошок!

Дмитрий Михайлович покачал головой.

— Я человек мирный, нет для меня в войне никакой романтики.

— Что ж, каждому своё, — опечалился партизан. — Давай спать, Михалыч, утро вечера мудренее.

Спал Добронравов без сновидений, а проснулся посреди кукурузного поля.

Солнце слепило глаза сквозь изумрудную зелень листвы, а капли росы на кукурузных метелках блестели, как алмазы. Запах травы, молочной спелости початков, одухотворённой свежести стоял над бескрайними рядами царицы полей. Стрекотали кузнечики — маленькие зелёные хозяева лугов и холмов, жужжали пчелы. Ветер колыхал мощные упругие стволы, рождая шелестящий звук.

Заметив посреди поля хату-мазанку, наш герой пошёл в том направлении. Преодолев клумбы с декоративными подсолнухами и роскошные грядки с томатами, картошкой и перцем, Дмитрий Михайлович подошёл к крыльцу и позвал:

— Эй, хозяева!

Дверь распахнулась, на порог выскочил мужчина в синих джинсах, чёрных очках и вышиванке.

— Здравствуйте, гости дорогие. Здоровеньки были! Я — Никита Сергеевич Хрущев, — представился он.

И, не давая нашему герою опомниться и рта раскрыть, принялся рассказывать о кукурузе. Дескать, единственное в мире высококультурное растение — и еда для человека, и корм для скота, и сырьё для алкоголя, и биотопливо.

«Пойдёмте, комбайны покажу! И новейшую систему полива! И теплицу арктическую, где выводится сорт кукурузы, способной расти за полярным кругом, и...»

— И никакой вы не Хрущев, — спокойно заметил Дмитрий Михайлович.

— С чего вы взяли? — возмутился мужчина.

— Да хоть бы с того, что вы... индеец.

Мужчине явно не понравились слова Добронравова — земля вокруг его ног начала дымиться, но Дмитрия Михайловича этим было не напугать, как никак, но он уже на двух войнах успел побывать.

— Индеец в джинсах! — решил он добить оппонента.

Лже-Хрущев откинул длинные иссиня-чёрные волосы со смугло-красного лица, почесал горбинку орлиного носа. Снял очки. Глаза у него оказались необыкновенные — большие, миндалевидные, сильно косящие к переносице, а главное — зелёные, со зрачками цвета перламутровых кукурузных зёрен.

— И снова здравствуйте! — намного подумав, произнес индеец. — Разрешите представиться — майянский бог кукурузы Кукуцаполь.

— И снова ложь, — не поверил ни единому слову Добронравов. — Кукуцаполь — советское имя, означающее «Кукуруза — царица полей».

— Ессна, советское, — охотно согласился с ним странный тип. — Мое настоящее имя вам ничего не скажет, да вы его и не выговорите. Я действительно майянский бог, но... в Риме будь как римляне, а в ПСС... Ну, вы меня понимаете.

— Как вы попали сюда, не будучи советским человеком?! — возмутился Дмитрий Михайлович. — Вообще не будучи человеком?

— Мне помог наш общий знакомый с речки.

— А! Харон-Харитон?

— Да, как-то раз угостил его поп-корном. Мой потусторонний мир давно закрылся в связи с отсутствием верующих и желающих, — вздохнул майянский бог. — Народ разбежался, кто куда. Думал, совсем пропаду, но была в истории вашей страны замечательная эпоха, куда я отлично вписался.

— А где тогда настоящий Хрущев?

— В доме. Пойдёмте, покажу.

Кукуцаполь повёл Дмитрия Михайловича по запутанному лабиринту комнат, коридоров, залов и внутренних дворики и наконец привёл в каморку, где стояла старинная железная кровать «с шишечками» в виде кукурузных початков. Над кроватью висела грифельная доска. На ней было написано семи- или восьмизначное число — начиналось, кажется, с девяти, заканчивалось на тройку. А на кровати лежал связанный человек в семейных трусах и с кляпом во рту.

— Вы что делаете? — возмутился Добронравов. — Освободите его немедленно!

— Сами освобождайте, — спокойно ответил майянский бог, небрежно прислоняясь к дверному косяку.

Дмитрий Михайлович сделал шаг в сторону кровати, но тут почему-то подумал про... Крым. И отступил.

— Будете его развязывать?

— Нет.

— Почему?

— По кочану! То есть по початку.

Подойдя к грифельной доске, Кукуцаполь стёр последнюю тройку и исправил на четвёрку.

— Тогда не будем мешать Никите Сергеевичу дышать.

Выйдя из дома, Добронравов попытался прислушаться к звукам, чтобы понять, куда ему теперь идти — кукурузное поле простиралось от края до края, и слышен был лишь отдаленный шум работающих комбайнов. Понаблюдав за его мучениями, майянский бог сжалился и сказал:

— Ладно, пойдёмте, ещё кое-что покажу. Чтобы поменять эпоху, необходимо не только к звукам прислушиваться. Шире надо смотреть!

Кукуцаполь повёл нашего героя на задний двор, и Дмитрий Михайлович понял, что хатка-мазанка

была вершиной гигантской многоступенчатой пирамиды, высокой, как гора.

— Я видел такую пирамиду в фильме с Тарантино, — заметил майянскому богу Добронравов.

— Я тоже, — слегка пожал плечами Кукуцаполь. — Задумка понравилась — сделал и себе такое.

Каждая ступень пирамиды была как этаж дома, и спуститься по ней вниз без специального альпинистского снаряжения не представлялось возможным. Бог указал Дмитрию Михайловичу на площадку с дельтапланом.

— А вы знали, что в СССР свободные полёты на дельтапланах начались с 1972 года?

— Это называется шире смотреть?! — задрожал от страха Добронравов. — Никуда на нём не полечу!

— Почему?

— Не умею!

— Учиться никогда не поздно.

— Боюсь!

— Чего боитесь-то? Разбиться? — расхохотался бог, согнувшись пополам. — Мать моя — богиня перца!

Наш герой прекрасно понимал, что глупо бояться смерти, когда ты мёртв, но ничего поделать с собой не мог.

— Я ещё в теплице хотел побывать, — жалобно попросил он.

— С кукурузой, которая растёт за полярным кругом? — хмыкнул Кукуцаполь, ещё больше скашивая взгляд. — Дмитрий Михайлович, вам же не пять лет было, когда вы умерли.

— А каску? Каску дадите? — вскрикнул Добронравов.

Закатив зелёные глаза под лоб, Кукуцаполь досчитал до десяти.

— Дмитрий, извините, что я вас так выпроваживаю, но мне, честное слово, некогда. Некогда от слова

совсем! Ко мне друг Юра должен прийти. Он очень известный и занятой человек, а я ему маисовых блинчиков напечь обещал.

— Юрий Гагарин? — с надеждой спросил Добронравов. — Я бы тоже с ним пообщался.

— Не Гагарин, а Кнорозов.

— А кто это?

Кукуцаполь схватился за сердце или, что там, у богов на этом месте.

— Юрий Валентинович Кнорозов — советский историк и этнограф, лингвист и основатель советской школы майянистики. Известен своей дешифровкой письменности майя. Стыдно не знать!

Из-под верхней губы Кукуцаполя высунулись клыки, как у ягуара. Не рискнув больше испытывать терпение бога, Добронравов покорно выслушал краткий инструктаж, закрепил страховку и, взявшись за планку, начал разбег. Добежав до края пирамиды, он сделал прыжок и стал планировать.

Под ним пролетали зелёные квадраты полей и зеркала озёр сказочной синевы. Свежий ветер наполнял грудь свободой, а в голове звучали последние слова Кукуцаполя: «Хотите перемен — просто выберите ориентир и вперед!». Далёкий горизонт играл с дельтапланом в догонялки, и вскоре Дмитрий Михайлович увидел прекрасный город-сад и пошёл на снижение.

Приземлившись между детской площадкой и стендами с передовицами газеты «Правда», Добронравов оставил дельтаплан лежать на зелёном газоне рядом со свежепобеленной статуей «Девушка с веслом», а сам отправился гулять по городу.

Побродив немного по тенистым улочкам с двухэтажными домами, Дмитрий Михайлович вышел на широкий проспект. Там стояли телефонные будки, автоматы с газодой лимонной (3 коп.) и апель-

синовой (3 коп.), а на стенах — рядом с синими почтовыми ящиками, висели автоматы шипра (10 коп.). В детстве, если Добронравову очень хотелось в кино или мороженого, а денег не было, он шёл по улице и внимательно смотрел под ноги. И деньги всегда находились. Хватало и на мороженое, и на пирожное, и в кино, и маме позвонить. Вот и сейчас, проделав тот же манёвр, Добронравов легко отыскал закатившийся в щель рядом с бордюром десюлик и бросил его в автомат шипра.

Дмитрий Михайлович зажмурился, и... на него снизошло освежающее цитрусовое утро с эдакой лёгкой горчинкой в начале, осенними цветами на холодном рассвете в середине, прогретым на солнце деревом и янтарной смолой в конце. На мгновение Добронравов перенёсся на знойный остров Кипр в Средиземном море, а затем проехала поливальная машина и всё исчезло. Но наш герой не огорчился, а просто пошёл дальше — в уютный сквер на берегу пруда с утками и лебедями.

— Ах, какой красивый молдаванин! Ты заметила? — случайно подслушал Добронравов разговор двух женщин.

Говорили они о высоком, импозантном мужчине, который сидел за одним из столиков летнего кафе. Перед ним стояла бутылка «Букет Молдавии» и гранёный стакан. По радио звучала песня Высоцкого. Мужчина тихонько подпевал «Ты, Зин, на грубость нарываешься...», выбивая такт ногой, и одновременно читал какую-то инструкцию. Её он изучал с большим интересом, смешно шевеля чёрными густыми бровями. Эти великолепные брови Добронравов узнал бы из миллионов.

— Здравствуйте, Леонид Ильич! — волнуясь, произнёс Дмитрий Михайлович, подходя поближе к столику.

А волноваться у нашего героя причина была. Ещё при жизни Добронравов в шутку пообещал сам себе, что он скажет генсеку Брежневу, если вдруг после смерти они увидятся. Леонид Ильич поднялся со стула и сердечно поприветствовал его, как старого друга.

— Леонид Ильич! — торжественно начал Добронравов. — Вот говорят, застой, застойные годы... А для меня — лучшие годы моей жизни!

Снисходительно улыбнувшись, генсек ничего не ответил, но попросил Дмитрия Михайловича передать ему грифельную доску и кусочек мела, лежащие на соседнем столике. Исправив последнюю цифру, Леонид Ильич окликнул официантку:

— Люсенька, можно вас?

К столику величаво, как пава, подплыла официантка. Белый накрахмаленный фартук, белая шапочка, блокнотик и карандаш в руках. Красивая, как модель из заграничного журнала, только ещё лучше.

— Люсенька, сегодня я встретил дорогого товарища Дмитрия Добронравова. Чем мне его порадовать? Что вы порекомендуете?

— Бутылочку кокура из Массандры, салат оливье, лобио, буженину, картошечку и дыньку, — зашебетала девушка. — А на второе борща, мититей по-молдавски, столичной грамм по 150, огурчики и строганину. А потом компот с булкой.

— Компот? — с сомнением потянул генсек. — Дмитрий Михайлович, а хотите кефира? Врачи рекомендуют.

— Сто лет уже не пил советский кефир, — скромно вздохнул Добронравов.

— И два стакана кефира!

— Сию минуточку! — официантка сделала пометки в блокнотике и упорхнула на кухню.

— Посмотрите, Дмитрий, какую занятную вещь мне дали почитать, — с этими словами Леонид Ильич протянул Добронравову листок с инструкцией.

Там было написано:

Инструкция «Сообразим на троих»

Сигналом к выполнению инструкции является знак из трёх пальцев на лацкане у стоящего возле подъезда мужчины. Он означает, что три человека должны самоорганизоваться, скинуться по рублю и купить в бакалее бутылку столичной за 2,87 руб. и сырок «Дружба» за 13 коп. Рекомендуемое место распития — гараж, скамейка в парке и т.п.

— А вы про это знали? — спросил генсек у Добронравова.

— Да. А если стакан не взять из дома, то его можно добыть в автомате с газировкой, — вспомнил с тёплой улыбкой Дмитрий Михайлович. — Леонид Ильич, можно спросить, вы ведь давно в ПСС. Куда бы мне пойти? Посоветуйте.

— Хм. В Кукуцаполье были?

— Где?.. А, да. Был. Только оттуда.

— Как там Никита? — заботливо поинтересовался генсек.

— Отдыхает, — уклончиво ответил Добронравов.

— А вам покой только снится? Не нравится здесь?

— Нравится, но... — замаялся Дмитрий Михайлович, не зная, как объяснить.

— Понимаю, — не стал настаивать на ответе Леонид Ильич. — Хочется остаться, но надо уходить. Как и ему...

— Кому? — Добронравов проследил за взглядом генсека и увидел парящего в небесах олимпийского мишку.

Воздушные шарик, добрая, немного грустная улыбка, поднятая в прощальном жесте лапа и взгляд, полный надежды. Ком подкатил к горлу

нашего героя от нахлынувших воспоминаний, он встал из-за стола и город тут же исчез.

Дмитрий Михайлович стоял один посреди берёзового леса со стаканом кефира в руках.

...Мишка летел медленно и низко, почти цепляя нижними лапами верхушки деревьев, и Добронравову не составило особого труда следовать за ним. Внезапно Дмитрий Михайлович почувствовал под босыми ногами мокрый песок — он и не заметил, как разулся. Оглядевшись, Добронравов понял, что идёт уже не по лесу, а по песчаной морской полосе. Справа холмы, поросшие прямыми соснами, слева море, под ногами — янтарь.

Рижское взморье! Жёлтые и оранжевые, прозрачные и мутные кусочки янтаря приятно охладили босые ступни. Мягкий, тёплый внутренний свет янтаря манил взор. Наклонившись, Дмитрий Михайлович набрал горсть песка и промыл его водой. В ладонях остались прекрасные кусочки застывшей смолы. В некоторых янтарных осколках были пузырьки, в некоторых навеки замурованные муравьи и мушки. А вон под водной гладью блестит янтарный камень, величиной с кулак боксера! А вон там... на глубине... мерцает янтарный кубок на янтарной столешнице, тёмно-медовая шкатулка отражается в зеркале с багряным окладом. С годами слёзы древних сосен утрачивают светлую лёгкость, приобретая взамен тёмную имперскую помпезность.

Ещё шаг вперёд, и оказался бы наш герой в Янтарной комнате. Она манила прикоснуться к себе, почувствовать себя хозяином империи. Янтарные стены уже поднимались вокруг Дмитрия Михайловича и закрывались янтарные двери, но олимпийский мишка улетал за холмы, а наш герой чувствовал, что нельзя упускать его из виду.

Выбравшись на дорогу, Добронравов обнаружил под кустом свои ботинки, присел на траву, чтобы обуться, и, как только он их зашнуровал — тут же раздался резкий звук тормозов.

Дмитрий Михайлович поднял глаза — рядом с ним остановился синий Москвич-2141. Водителем был парень с корейскими скулами и русской улыбкой.

— Представляться нужно? — весело спросил он.

— Нет, Витя, не нужно, — ответил Дмитрий Михайлович.

— Садись!

— Подожди, Витя! Знаешь, что я хотел тебе сказать...

— Знаю, — рассмеялся Виктор. — Ты, Витя, пел «Перемен требуют наши сердца». Вот они и пришли, эти перемены, только ну их... — последние слова водителя заглушил сигнал автобуса, промчавшегося мимо. — Это хотел сказать?

— Да! — удивился Добронравов. — А как узнал?

— Садись, — велел Виктор. — Все мои пассажиры говорят ровно одно и то же. Достань из бардачка мел и грифельную доску. И... сам знаешь, что нужно сделать.

Дмитрий Михайлович сел на переднее сидение.

— Куда поедем?

— В реинкарнацию веришь?

— После того, на что я посмотрелся после смерти, — хмыкнул Добронравов, — я верю во всё. За всю жизнь столько впечатлений не получал! Я даже на дельтаплане летать научился!

— Здорово, — одобрительно покивал головой Виктор. — Только ради этого стоило умереть. Сейчас дождёмся зеленого света. И в путь! — сказал Цой нашему герою, кивая на неизвестно откуда взявшийся на пустынной дороге светофор. **□**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413	
на журнал										(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			Доставочная карточка								
ПВ	место	литер	на журнал						73413		
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стои- мость	подписки	___руб. ___коп.						Кол-во компл.			
	переад- ресовки	___руб. ___коп.									
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

